

Дж. Р. Р. Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Третья часть
«Властелина Колец»

Иллюстрации Дениса Гордеева

Властелин Колец (иллюстрированные издания)

Джон Толкин

Возвращение Короля

«АСТ»

1955

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4 Вел)-44

Толкин Д. Р.

Возвращение Короля / Д. Р. Толкин — «АСТ»,
1955 — (Властелин Колец (иллюстрированные издания))

ISBN 978-5-17-081805-1

Трилогия «Властелин Колец» – одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой подвиг маленького героя и, самое главное, – тот фантастический и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда. Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, – не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-081805-1

© Толкин Д. Р., 1955
© АСТ, 1955

Содержание

Книга V	7
Глава I	7
Глава II	25
Глава III	39
Глава IV	48
Глава V	67
Глава VI	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джон Р. Р. Толкин

Возвращение Короля

J.R.R. Tolkien

The Lord of the Rings. The Return of the King

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

The The Return of the King © The Trustees of The J.R.R. Tolkien, 1967 Settlement 1955,
1966

© Перевод Н. Григорьева, В. Грушецкий

© Перевод стихов И. Гриншпун

© Художественное оформление, иллюстрации Д. Гордеев

© ООО «Издательство «АСТ»

* * *

Три-эльфийских владыкаа в подвѣздный предеа
Семь-для-гномов, царящих в подгорном просторе
Девять-смертных, чей выберет срок и рдеа.

И одно-Властелину на чёрном престоле

В Мордоре, где вековечная тьма:

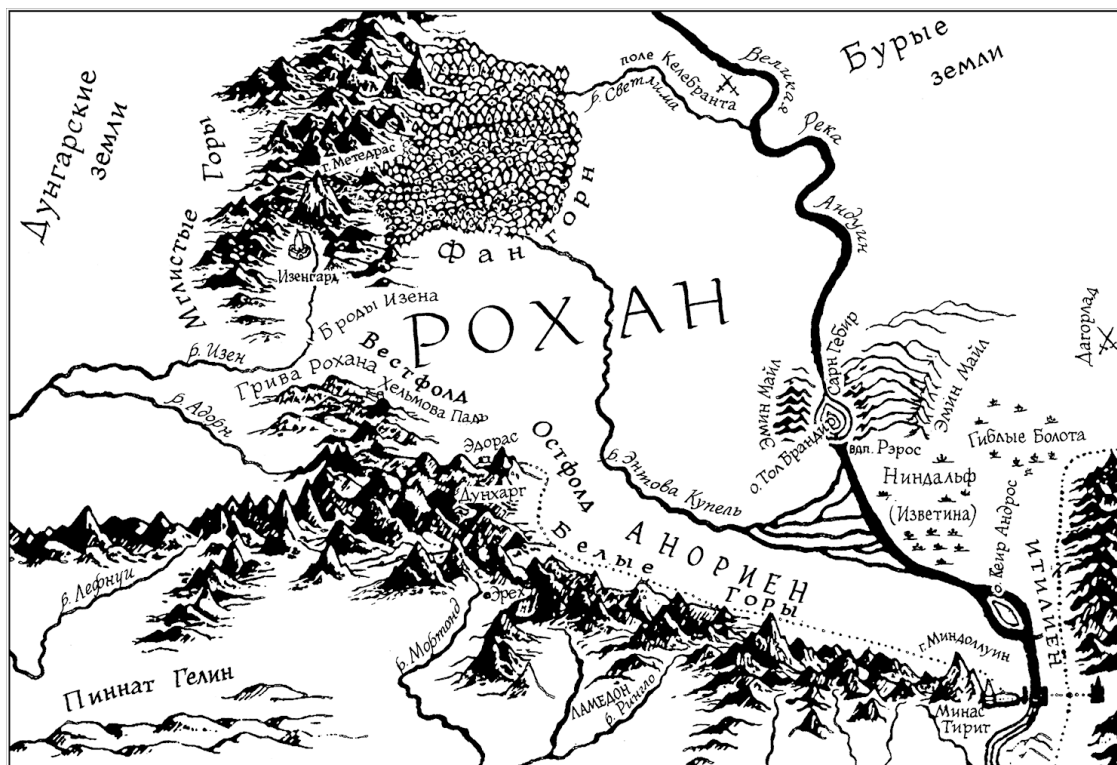
Умоды всех отыскать, воедино созвать

И единою чёрною волей сковать

В Мордоре, где вековечная тьма

Книга V

Глава I Минас Тирит

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндальфа. Он никак не мог понять, во сне или наяву свистит в ушах черный ночной ветер, медленно плывет зубчатая тень гор далеко справа, во сне или наяву качается у него над головой звездное небо. Он пытался вспомнить, что с ним и где он, но мысли путались, отдельные картины сменяли друг друга.

Помнится, они мчались без остановок, летели все вперед и вперед, и там, впереди, вставал на рассвете золотистый мягкий блеск и был город, затопленный тишиной, и гулкая пустота большого дворца на холме. Они ворвались под его своды в тот самый момент, когда вверху пронеслась огромная крылатая тень, и ужас выбелил лица людей вокруг. Пиппин вспомнил, как и его сердце сжала ледяная рука. Но рядом был Гэндальф, и ужас ушел, осталась только усталость. Пиппин спал, но сон был тревожным, в нем ходили и разговаривали незнакомые люди, что-то приказывал Гэндальф. И дальше, без перехода, снова бешеная скачка сквозь ночь. С тех пор, как он заглянул в Палантир, прошло двое, нет, трое суток. Палантир! Это было ужасно! С этим воспоминанием он проснулся окончательно. Вокруг шумел и бормотал все тот же ветер.

Яркий желтый огонь в темном небе заставил Пиппина съежиться от страха. Зачем Гэндальф везет его в это страшное, там, впереди? Он протер глаза. На востоке всходила луна. Значит, они будут скакать и скакать, мчаться сквозь ночь бесконечно долго.

– Где мы, Гэндальф?

– На землях Гондора. Это – Анориен.

Пиппин притих, но тут же прижался к магу.

– Что там? Смотри! Красный огонь! Как драконий глаз. А вон еще один!

Гэндальф только крикнул коню:

– Вперед, Сполох, вперед! Спеша, друг! – и, наклонившись к Пиппину, сказал: – Смотри. Это зовут на помощь огни Гондора. Война началась. Вот огонь на Амон Дине, пламя на Элене, и дальше огни, Нардол, Эрелас, Мин Риммон, Каленхад и Халифириен у границ Рохана. Вперед, Сполох!

Но конь вдруг пошел рысью, потом шагом и, подняв голову, заржал. Из темноты послышалось ответное ржание и мимо них на запад промчались трое всадников. Пиппин едва разглядел их во тьме. Белый конь подобрался, рванулся вперед, и снова ночь зашумела вокруг ветром.

Сквозь дрему Пиппин слышал, как Гэндальф рассказывает ему о гондорских Правителях, о сигнальных огнях, быстро передающих важные вести через всю страну, о подставах на границах, где всегда ждали гонцов свежие кони.

– Давно уж не загорались северные огни, – говорил маг. – В прежние времена ими почти не пользовались... Семь Палантиров было в то время в Гондоре.

Пиппин, услышав о страшном камне, который и так не шел у него из головы, беспокойно пошевелился.

– Спи, – сказал маг, – спи не бойся. Мы ведь с тобой идем не в Мордор, как Фродо с Сэмом, а в Минас Тирит. Там сейчас так же безопасно, как у вас в Шире. Пока, – значительно добавил он, – потому что если Кольцо вернется к Врагу, если падет Гондор, то тебя и Шир не спасет.

«Вот уж утешил», – подумал Пиппин, засыпая снова. Последнее, что он помнил, был блеск луны на снежных вершинах гор. Он еще успел подумать о том, где сейчас Фродо, жив ли он, добрался ли до Мордора.

Фродо в Итилиене смотрел на ту же луну, незадолго до рассвета заходящую над Гондором.

Пиппина разбудили голоса незадолго до рассвета.

Прошел еще один день, который хоббит с магом переждали в укрытии, и еще одна ночь пролетела в скачке. В тумане занимались холодные предрассветные сумерки. Сполох стоял, высоко вскинув голову, от его тела валил пар. Прямо перед собой Пиппин увидел рослых людей в плащах. Позади смутно вырисовывалась полуразрушенная стена. Там стучали молотки, скрипели колеса, скрежетало железо, в тумане тускло светились факелы. Гэндальф говорил с людьми в плащах, и Пиппин понял, что речь шла о нем.

– Конечно, Митрандир, – говорил один из тех, что стояли рядом, – ты можешь ехать свободно. Мы знаем тебя, и тебе известны пароли для всех семи ворот. Но твоего спутника мы не знаем. Кто он? Гном с северных гор? Чужеземцам закрыт вход в Гондор. Разве что они могучие воины, чья верность и отвага очень нужны нам сейчас.

– Я поручусь за своего спутника перед Денетором, – отвечал маг. – А что до его доблести, не суди о ней по росту, Ингольд. У него на счету битв и опасностей больше, чем у тебя, хотя ростом он невелик. Мы возвращаемся из сражения под Изенгардом. Он устал. Я не хочу его будить. Зовут его Перегрин, и человек он отважный.

– Человек? – недоверчиво переспросил Ингольд, а остальные засмеялись.

Пиппин окончательно проснулся.

– Вот еще! Человек! Я – хоббит! А отважным бываю, когда деваться уже некуда.

– Ответ достойный, – заметил Ингольд и переспросил: – Хоббит?

– Полурослик, – негромко подсказал маг, – но не тот, о котором говорит пророчество. Это его родич.

– Родич, друг и спутник, – добавил Пиппин. – И если это Минас Тирит, то отважный Боромир, спасший мне жизнь в снегах севера, из вашей страны. Он защищал меня и пал...

– Молчи! – прервал его Гэндальф. – Эту печальную весть первым должен узнать его отец, Денетор.

– Мы догадывались, – грустно сказал Ингольд. – Странные знамения были недавно... Что ж, поезжайте. Правитель Минас Тирита обязательно захочет видеть того, кто принесет ему вести о сыне, будь то человек или...

– Или хоббит, – закончил Пиппин. – Я мало что могу рассказать, но в память об отважном Боромире расскажу все, что знаю.

– Поезжайте, – повторил Ингольд, и его люди посторонились, пропуская белого коня. – Нам нужны и твой совет, и твоя помощь, Митрандир. Жаль, что ты всегда приходишь с дурными вестями.

– Это потому, что я прихожу туда, где нуждаются в помощи, – ответил Гэндальф. – Могу дать и совет. Бросьте стену. Ее поздно чинить. Не стена вас спасет, а мужество и та надежда, которую я несу. Да, я приношу не только худые вести. Отложите мастерки и точите мечи!

– Мы управимся до вечера, – рассудительно сказал Ингольд. – Стена тоже пригодится. С этой стороны вообще некому нападать. Там – Рохан, – он махнул рукой в степь, – там у нас друзья. Ты не слыхал, что там у них? Помогут они нам?

– Помогут. Но за вашей спиной им пришлось выдержать уже не одну битву. Это дорога, как и все остальные, отныне небезопасна. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф-Буревестник, вместо Всадников Рохана вы могли бы встретить с этой стороны орду врагов. А может, еще и встретите. Удачи вам! Не зевайте здесь!

Они миновали Раммас Эхор. Так люди Гондора называли внешнюю стену, выстроенную с великим трудом после потери Итилиена. Стена тянулась лиг на десять от подножия гор, опоясывая поля Пелленора и возвращаясь к горам. Прекрасные плодородные угодья длинными отлогими склонами спускались к долине Андуйна. На северо-востоке от Великих Ворот Минас Тирита до стены было четыре лиги; там за ней раскинулись приречные равнины. В этом месте стена была особенно высокой и крепкой. Она защищала дорогу, идущую от Бродов, и Мосты Осгилиата. На юго-востоке между стеной и Городом оставалось пространство меньше лиги шириной. Там Андуйн, огибая холмы Эмин Арнен в Южном Итилиене, резко забирал к западу и стена шла по самому берегу, а ниже лежали набережные и грузовые пристани Харлонда.

По сторонам дороги тянулись богатые предместья с обширными пашнями, садами, навесами для сушки хмеля, амбарами и загонами для скота. Среди зелени струились ручьи, спешившие с нагорий к Андуйну, но людей встречалось немного. Основная часть жителей селилась в семи кругах Города, или в Лоссарнахе, у подножия гор, или еще дальше к югу, в Лебеннине, орошаемом пятью быстрыми реками. Там, между горами и морем, жил крепкий народ. Они называли себя гондорцами, но в жилах их текла кровь местного низкорослого и смуглого народа, чьи предки обитали здесь еще до прихода королей. А дальше, на берегу огромного залива Белфалас, стоял Дол Амрот, замок князя Имрахилиа. Этот рыцарь высокого рода правил гордым сероглазым народом воинов.

На восходе Гэндальф со своим спутником приблизились к Минас Тириту. Пиппин окончательно проснулся и с любопытством вертел головой во все стороны. Слева от них лежало море тумана, а справа вздымались вершины огромных гор, обрывавшихся неожиданно, словно во дни творения Река разбила преграду, образовав просторную долину, место множества последующих битв. Как и обещал Гэндальф, там, где кончались Белые Горы, Пиппин увидел темную громаду Миндоллуина, глубокие пурпурные тени высоких ущелий и вершину, белеющую в свете занимающегося дня. На выдвинутом вперед плече горы стоял Город, окруженный семью каменными стенами, крепкими и древними, словно вырезанными великаном из костей земли.

Пиппин вскрикнул от восторга, когда на его глазах стены крепости окрасились розовым в свете зари, а Белая Башня засверкала серебром под первыми лучами солнца. Белоснежные знамена развевались на стенах, высоко и чисто пели трубы.

Железные ворота откатились перед ними. Люди вокруг закричали:

– Митрандир! Смотрите, это Митрандир! Видно, гроза близко!

– Да, она приближается, – ответил Гэндальф. – Меня принесли ее крылья. У нас дело к Денетору, покуда он еще Правитель Гондора. Что бы ни произошло дальше, стране уже не бывать прежней, – проворчал он себе под нос. – Пропустите меня!

Люди расступились, дивясь на коня и на спутника мага. Коней в Городе видели редко, но все признали в благородном животном посланца Роухана, и это наполнило надеждой многие сердца.

Сполох звонко ступал по каменным мостовым, поднимаясь из одного яруса Города в другой. Они шли ступенями к вершине горы, каждый ярус был обнесен стеной. Великие Ворота располагались в восточной части стены, следующие были на половину круга сдвинуты к югу, третьи – на половину круга к северу, и так все выше и выше, к центру Города. Мостовая, ведущая к Цитадели, часто поворачивала и каждый раз, пересекая ось Ворот, уходила в арочный туннель в скале, делившей надвое все круги Города, кроме первого. Древние строители искусно воспользовались творением природы, оставив за Воротами часть скалы, образовавшей бастион, словно форштевень корабля, устремленный на восток. Он вздымался до самого верхнего круга Города, неся на себе могучую Цитадель, расположенную в семистах футах выше Первых Ворот. Вход в Цитадель также смотрел на восток. Он был врезан в коренную скалу и вел к Седьмым Воротам. По освещенному туннелю идущий попадал в Верхнее Подворье, к Фонтану у подножия Белой Башни. Высота ее составляла не менее пятидесяти фатомов, а на вершине, в тысяче футов над равниной, развевалось Знамя Правителей.

Мощь цитадели делала ее неприступной до тех пор, пока внутри оставалось хотя бы несколько воинов. Напасть на Цитадель можно было лишь со Сторожевого Холма, но отрог, на котором был выстроен пост, перегораживали крепостные валы. Здесь, между Городом и Башней, располагались усыпальницы Королей и Правителей.

Пиппин не мог опомниться от изумления и восторга при виде этого могучего, великолепного каменного города. Величием, мощью и красотой он превосходил Изенгард. Но глаз всюду встречал и признаки упадка: двери домов были заперты, окна пусты, улицы немые.

В седьмом ярусе солнце, освещавшее в это же время дорогу Фродо на прогалинах Итилиена, озарило гладкие стены, резные колонны и большую арку ворот. Коням вход в Цитадель был запрещен, и Гэндальф спешил. Сполох с тревогой переступил копытами, но маг шепнул ему что-то, и он позволил увести себя.

Воины, охранявшие вход в Звездную Цитадель, были одеты в черное. На груди у них сияло вышитое серебром цветущее дерево под серебряным венцом и многолучевыми звездами, на головах – высокие шлемы с крыльями морской чайки по бокам. Шлемы пламенели серебром, ибо были сработаны из мифрила – малая часть былой славы, уцелевшая в веках. Никто во всем Городе не носил больше подобных одежд – это была привилегия Стражей Цитадели, помнившей Элендила и цветущее Белое Дерево.

Вести, похоже, опередили путников. Стражи пропустили Гэндальфа, не задав ни единого вопроса. За аркой был двор, вымощенный белым камнем, и фонтан, искрящийся на солнце веселыми брызгами. Вокруг росла яркая зеленая трава, но рядом, склонившись над чашей фонтана, стояло мертвое засохшее дерево, и капли воды стекали с его голых ветвей, как слезы.

Пиппин хотел было удивиться, но вспомнил, как однажды Гэндальф пел о семи звездах и белом дереве. Он открыл рот, чтобы спросить мага, но тут Гэндальф заговорил сам.

– Поосторожнее в словах, добрый Перегрин. Здесь не Шир, и хоббитское нахальство некстати. Теоден был добр и кроток, но совсем не таков Денетор. Он человек гордый и проныцательный и гораздо более сильный и властный, чем Теоден, хотя он и не король, а только Правитель. Говорить он будет в основном с тобой. Он любил Боромира, может быть, даже слишком. Но сын не был похож на отца. Денетор безутешный наверняка попыбует вытянуть из тебя то, чего не надеется узнать от меня. Не болтай лишнего, не называй даже имени Фродо, не упоминай о его задаче. Когда придет время, я сам скажу об этом. И еще, – маг помедлил, – об Арагорне тоже лучше бы помолчать... пока.

– Но почему? Разве с Колобродом что-нибудь не так? – испуганно спросил Пиппин. – Он ведь сам хотел идти в Гондор. Он же должен скоро прийти... или нет?

– Все может быть, – озабоченно ответил Гэндальф. – Но Арагорна здесь не ждут. Его приход будет неожиданностью и для Денетора. И так, мне кажется, будет лучше. Я, во всяком случае, не собираюсь никого предупреждать о его приходе.

Они уже подошли к высокой двери из полированного металла. Гэндальф остановился.

– Сейчас не время заниматься историей Гондора, хотя лучше бы тебе ее знать. Послушай меня и сделай, как я говорю. Не очень-то мудро сообщать могучему Правителю о смерти наследника и одновременно о прибытии претендента на трон. Это ты, надеюсь, понимаешь?

– Как претендента? – ошеломленно переспросил Пиппин.

– Вот именно, – ответил маг. – Если ты топал столько дней, заткнув уши и не слишком обременяя голову, очнись хоть сейчас! – и он постучал в дверь, которая тотчас же распахнулась.

Они вошли в зал, своды которого покоились на огромных колоннах черного мрамора. Вершины колонн украшали изваяния неведомых животных, ветвей и листьев, по потолку шла цветная роспись по зеленому полю. Ни гобеленов, ни занавесей, ни дерева не было в этом длинном торжественном зале. Между двумя рядами колонн застыли мраморные фигуры. Пиппин вздрогнул, заметив в чертах их лиц сходство с Каменными Стражами на Андуне.

В дальнем конце зала на ступенчатом возвышении стоял пустой мраморный трон; позади него на стене мерцало драгоценными камнями изображение цветущего дерева.

У подножия трона на широкой ступени в простом кресле из черного камня сидел старик с коротким белым жезлом в руках. Он не поднял глаз на вошедших, продолжая рассматривать что-то у себя на коленях.

Гэндальф остановился в трех шагах от кресла.

– Приветствую Денетора, сына Эктелиона! – звучно сказал он. – В этот мрачный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял голову. Пиппин ждал в нем сходства с Боромиром, но резкие и гордые черты лица Правителя, глубокие темные глаза напомнили ему Колоброда.

– Да, ты прав, час мрачен, – медленно произнес Денетор, – но мы привыкли видеть Митрандира именно в такие часы. – Он надолго замолчал. – Знаки предвещают близкую гибель Гондора. Горько думать о том, что впереди, но еще горше уже случившееся. Мне сказали, что с тобой придет тот, кто видел гибель моего сына. Это он?

– Да, – ответил маг. – Их было двое. Его товарищ остался с Теоденом Роханским и придет позже. Они оба – полурослики, но предсказание говорит не о них.

– Полурослики, – мрачно повторил Денетор. – Это они внесли смуту в наши дела, из-за них погиб мой сын. О, Боромир! – простонал он. – Как ты нужен сейчас! Почему тебе выпал этот жребий, почему не брату твоему?

– Скорбь лишает тебя справедливости, Правитель, – сурово заметил Гэндальф. – Боромир сам выбрал свой жребий и не уступил его никому. Он был сильным человеком и умел настоять на своем. Я хорошо узнал его за долгий путь, пройденный вместе. Но скажи, откуда в Минас Тирите известно о его гибели? Кто сообщил о ней?

– Я получил вот это, – произнес Денетор. Гэндальф и Пиппин увидели на коленях Правителя две половины разрубленного большого рога, окованного серебром.

– Рог Боромира! – не удержавшись, вскрикнул Пиппин.

– Да, – ответил Денетор. – А раньше им владел я, а еще раньше – каждый старший в нашем роду с самых дальних времен, еще при Королях, когда Ворондил, отец Мардила, охотился на диких быков в далеких полях Руна. Тринадцать дней назад я слышал звук этого рога с севера. Он никогда не зазвучит снова, но Река принесла мне обломки. – Он помолчал. Его темные глаза остановились на лице Пиппина. – Что скажет об этом полурослик?

– Тринадцать дней... – подумал вслух Пиппин, – да, пожалуй, так оно и есть. Да, я помню, Боромир затрубил в рог, но помощь не пришла, только орки...

– Значит, ты в самом деле был там? – глаза Денетора так и впились в Пиппина. – Ну, говори! Почему не пришла помощь? Почему ты жив, а могучий воин пал, хотя против него были только орки?

Пиппин вспыхнул.

– И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча. Когда я видел его в последний раз, он привалился к дереву, чтобы выдернуть из раны арбалетную стрелу с черными перьями. А потом орки оглушили меня и схватили. С тех пор я не видел твоего сына, повелитель, но я не забуду его, – закончил он. – Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага. Мертвый – он так же дорог мне, как был дорог живой.

Пиппин поднял голову и посмотрел в глаза Денетору. Незнакомая прежде гордость проснулась в нем, уязвленная насмешливым и недоверчивым тоном Правителя. Неожиданно для самого себя хоббит откинул полу плаща, обнажил меч и положил его к ногам Денетора.

– Не равная это замена, повелитель, – сказал он, – но я отдаю вам свою жизнь и тем немного хочу уплатить долг отважному Боромиру.

Слабая улыбка, похожая на луч холодного солнца в зимний день, озарила лицо старика. Он наклонил голову и, отложив в сторону обломки рога, протянул руку.

– Дай мне оружие, – приказал он.

Пиппин поднял меч и протянул рукоятью вперед.

– Откуда он у тебя? – с легким удивлением проговорил Денетор. – Похоже, этот клинок выкован нашим народом на Севере в далеком прошлом?

– Он из курганов возле границ моей страны, – сказал Пиппин. – Там теперь водятся только Нежить... Мне бы не хотелось сейчас говорить об этом, – помолчав, добавил он.

– Вижу, странные истории оплетают тебя, – молвил Денетор. – Это лишний раз доказывает, как легко обмануться с первого взгляда в человеке... или в полурослике. Я принимаю твою службу. Тебя не смутить словами, и сам ты горазд говорить, хоть и непривычна твоя речь для нас, южан. Ну, готовься к присяге!

– Положи руку на меч, – подсказал Гэндальф, – и повторяй за Правителем, если решился.

– Я готов, – сказал Пиппин и начал медленно повторять за Денетором: – «Здесь и сейчас приношу я клятву верности и служения Гондору и Правителю – Наместнику королевства. Обещаю говорить и молчать, делать и способствовать, идти и стоять непреклонно в нужде или изобилии, в мире или в войне, в жизни или в смерти – только на благо Гондора! Отныне освободить меня от клятвы может лишь мой Правитель, смерть или конец мира. Так говорю я, полурослик Перегрин, сын Паладина из Шира».

– А я, Денетор, сын Эктелиона, Правитель Гондора, Наместник Высокого Короля, слышу и принимаю твою клятву, не забуду ее и не откажусь вознаградить верность – любовью, доблесть – честью, а измену – мщением!

Пиппин получил назад свой меч и убрал его в ножны.

– Вот тебе мое первое повеление, – сказал Денетор, снова садясь в кресло. – Расскажи мне все, что сумеешь вспомнить о моем сыне. Садись и говори.

Ударив жезлом о серебряный круг возле кресла, он приказал подать гостям сиденья.

– У меня только час времени, – сказал он, обращаясь к магу, – но, может быть, вечером мы увидимся снова.

– А может, и того раньше, – ответил Гэндальф. – Не затем я мчался сюда, как ветер, за сто пятьдесят лиг из самого Изенгарда, чтобы доставить нового воина, как бы учтив и отважен он ни был. Разве тебе все равно, Денетор, что Теоден одержал большую победу, Изенгард разрушен, а Саруман лишился своего магического жезла?

– Нет, не все равно, Митрандир. Но мне известно об этом достаточно. – Он взглянул на Гэндальфа в упор, и Пиппин на миг почувствовал словно огненную струну, напряженно натянувшуюся между ними.

Денетор куда больше походил на великого мага, чем Гэндальф. Правитель казался величественнее, могущественнее и старше. Но не зрением, а каким-то другим чувством Пиппин постиг, что сила Гэндальфа выше, а мудрость – глубже, только величие его скрыто. На самом деле маг был старше Правителя, гораздо старше. «На сколько?» – задумался Пиппин и подивился тому, что раньше никогда об этом не думал. Древобород говорил что-то о магах, но тогда Пиппин не связал это с Гэндальфом. Кто такой Гэндальф? Из какого отдаленного времени и места пришел он в мир и когда должен покинуть его? Но непривычные мысли не удержались в голове, хоббит поднял глаза и увидел, что Денетор и Гэндальф все еще меряются взглядами, словно стремясь прочесть мысли друг друга. Денетор первым отвел глаза.

– Да... – неопределенно произнес он, – говорят, что Палантиров больше нет. Но Правители Гондора видят и знают больше многих.

Слуги принесли сиденья, столик, вино в серебряном кувшине, кубки, печенье. Пиппин чувствовал себя очень неуютно; ему показалось, что, говоря о Камнях, Денетор быстро и странно посмотрел на него.

– Что ж, повелеваю тебе начать рассказ, – сказал Правитель не то ласково, не то насмешливо. – Я воистину рад выслушать друга моего сына.

Они говорили ровно час, и Пиппин никогда потом не мог забыть ни пронзительного взгляда Правителя Гондора, ни его внезапных ошеломляющих вопросов, ни внимательного, осторожного Гэндальфа рядом. Когда час кончился, Пиппин совсем обессилен. «Наконец-то – подумал он, – теперь бы я позавтракал за троих».

– Проводите почтенного Митрандира в его покои, – распорядился Денетор. – Пусть наш новый воин живет пока вместе с ним. Имя ему – Перегрин, сын Паладина. Доверить пароли

малого круга. Передать военачальникам, пусть ждут меня здесь в три часа. И ты, Митрандир, приходи тоже, когда тебе угодно. Тебя никто не остановит, разве что в краткие часы моего сна. Не надо сердиться на старика. К старости ум слабеет.

– Ну нет, благородный Денетор, – отвечал маг. – Разум покинет это тело только вместе с жизнью. Я ведь понял, почему ты расспрашиваешь того, кто знает меньше всех, когда я здесь.

– Тем лучше, – слабо усмехнулся Денетор. – Глупо отказываться от совета и помощи в такой час, но у тебя свои цели, и я их не знаю. А Правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках. В нынешнем мире у Правителя лишь одна цель – благо Гондора. Дела Гондора – мои дела, и больше ничьи, во всяком случае, до тех пор, пока Король не вернется.

– Пока Король не вернется? – задумчиво повторил за ним Гэндальф. – Ладно, благородный Правитель, храни страну, покуда не настанет этот невероятный миг. В этом я помогу тебе всеми силами. И вот что я скажу еще, Денетор. Я никого не стану делать своим орудием ни в Гондоре, ни в какой другой стране, будь она велика или мала. Но когда возникает угроза всему светлomu, что есть в этом мире, – это мое дело. И если хоть что-нибудь переживет надвигающийся мрак и сможет цвести и приносить плоды – это будет моя победа, даже если Гондор падет. Ты носишь имя Хранителя Цитадели, но разве ты забыл, что я тоже Хранитель?

Всю дорогу из дворца Гэндальф молчал и ни разу не взглянул на Пиппина. Провожатый привел их к дому у северной стены Цитадели. Там для них была приготовлена большая светлая комната с окнами на Реку. Тяжелые, поблескивающие золотым шитьем портьеры были раздвинуты. Из обстановки в комнате оказались лишь стол, пара стульев и скамья; в больших стенах нишах пологи скрывали альковы с солидными, пожалуй, немножко слишком широкими постелями. На скамье ожидали кувшины и тазы для умывания. Пиппину пришлось взобраться на стул, чтобы посмотреть в одно из трех высоких узких окон.

– Ты не сердишься на меня? – спросил он мага, как только провожатый вышел и прикрыл за собой дверь. – Я сделал все, что мог...

– Это точно! – неожиданно расхохотался Гэндальф.

Он подошел к Пиппину, положил руку ему на плечо и выглянул в окно. Пиппин, воспользовавшись случаем, взглянул ему в лицо. Сначала он заметил лишь морщины, но, приглядевшись, понял, что маг действительно весел, дай ему волю – рассмешит все королевство.

– Конечно, ты сделал все, что мог, – повторил Гэндальф. – Надеюсь, не скоро тебя опять будут загонять в угол два грозных старца. И все-таки Денетор узнал больше, чем ты думаешь. От него не укрылось, что предводителем отряда после Мории был не Боромир, а кто-то более высокого рода и этот кто-то со своим прославленным мечом намеревается прийти в Минас Тирит. Люди Гондора часто обращаются к преданиям прежних дней. Вот и Правителя после отъезда Боромира не оставляли мысли о Проклятии Исилдура и словах предсказания.

Денетор не похож на других, Пиппин. Какова бы ни была его родословная, в нем говорит чистая кровь нуменорцев. В нем и в Фарамире, его втором сыне, но не в первом, которого он любил больше.

Денетор прозорлив. Воля и мудрость позволяют ему читать в мыслях людей даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это опасно. Для тебя полезно помнить об этом – ведь ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души и, по-моему, тронуло Денетора и, кажется, позабавило. Я не вмешивался, ибо великодушные порывы не нуждаются в холодных советах. Во всяком случае, теперь после дежурств ты свободно можешь разгуливать по всему Минас Тириту. Но отныне ты всецело подчиняешься Правителю, и он об этом не забудет. Так что держи ухо востро!

Гэндальф помолчал и вздохнул.

– Ладно. Не стоит пытаться узнать будущее. Теперь каждое новое «завтра» будет хуже «сегодня». И от меня помощи больше не жди. Фигуры расставлены, игра идет. Я только одной

фигуры не вижу пока – Фарамира. Он ведь теперь наследник Денетора. Кажется, его нет в Городе, а Денетор совсем не оставил мне времени. Я должен идти, Перегрин. Постараюсь узнать что-нибудь на совете у Правителя. Враг не сидит сложа руки, он вот-вот откроет свою игру. И тогда пешкам достанется не меньше, чем прочим, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи меч!

У двери Гэндальф обернулся.

– Я действительно тороплюсь, Пиппин. Не откажи в любезности, сходи поищи Сполоха, узнай, как его устроили. Здешний народ хорошо относится к животным, но о конях, боюсь, знает маловато.

Не успела закрыться за магом дверь, как на башне колокол отбил три удара – третий час после восхода солнца, время совета.

Посидев немного в одиночестве, Пиппин вышел на улицу. Солнце стояло невысоко. Дома и башни бросали длинные, резкие тени. В синеве неба сверкал белый шлем и снежный плащ Миндоллуина. Несмотря на ранний час, на улицах было много вооруженных людей.

– Девять часов по-нашему, – сказал Пиппин себе под нос. – Самое бы время позавтракать, да на травке, да весной!.. Эх, где уж тут травка! Но все-таки интересно: вот эти воины, например, уже завтракали? А если завтракали, то когда и где собираются обедать?

В этот момент к нему подошел воин в черном с серебряным шитьем на груди.

– Ты – Перегрин, полурослик, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он и протянул руку. – Ты на службе у нашего Правителя, и мне велено помочь тебе освоиться здесь. Я – Берегонд, сын Баранора. Я сегодня свободен, и мне поручили сообщить тебе пароли и вообще все, что ты захочешь узнать. А я был бы рад узнать кое-что о тебе. Мы никогда раньше не встречали полуросликов, а в легендах о вас почти ничего не говорится. А ведь ты еще и друг Митрандира. Это вдвойне интересно. Ты давно его знаешь?

– Ну, – протянул Пиппин, – можно сказать, всю мою недолгую жизнь. А потом мы с ним много путешествовали. Но Гэндальф – это целая книга, а я в ней и видел-то всего пару страниц. Вот Арагорн из нашего отряда знал его по-настоящему.

– Арагорн? – переспросил Берегонд. – А кто он?

Пиппин замялся.

– Человек, который шел с нами. Сейчас он, по-моему, в Рохане.

– О, ты и в Рохане был? Расскажи, а? Мы ведь только на рохирримов и надеемся. Ох! – воскликнул он. – Я забыл о своем поручении. Ведь это я должен отвечать на твои вопросы, а сам... Что ты хотел бы узнать прежде всего?

Пиппин заколебался.

– Э-э... если можно, у меня один вопрос: насчет завтрака... Ну, о времени трапезы то есть. И где трапезная, если она есть, конечно. Или харчевня? Я что-то ни одной здесь не видел, пока мы ехали, и всю дорогу надеялся на глоточек эля, как только доберусь до ваших краев.

Берегонд поглядел на него с уважением.

– Бывалого воина сразу видать, – сказал он. – И у нас воины, которые ходят в походы, всегда прежде всего о еде и питье беспокоятся. Сам-то я, правда, не ходил, – добавил он смущенно. – Так ты ничего не ел сегодня?

– Честно говоря, ел, – ответил правдивый Пиппин. – Правитель угощал нас вином и печеньем, но зато целый час изводил вопросами, а отвечать ему – дело нелегкое!

Берегонд рассмеялся:

– У нас говорят: и маленький человек за столом может творить большие дела. А ты, я вижу, склонен к воздержанию не больше любого воина Цитадели. Здесь – крепость и Башня Стражи, а город на военном положении. Трапезы по этому случаю редки.

Пиппин сник, но Берегонд утешил его, сказав, что за тяжелую работу положено усиленное питание и в кладовой можно что-нибудь раздобыть.

– Пойдем! – позвал он. – Здесь недалеко, а потом выйдем на стену, там можно закусывать и любоваться чудесным утром.

– Подожди! – вдруг покраснел Пиппин. – Разговоры про еду совсем отшибли мне память. Ведь Гэндальф, Митрандир по-вашему, попросил меня приглядеть за его Сполохом – это великий роханский конь. Сам ихний король берег его как сокровище, хоть и отдал в услужение Митрандиру. По-моему, новый хозяин любит его даже больше, чем людей, и если Митрандира уважают в этом Городе, Сполоху тоже положен почет и всяческое внимание, уж не меньше, чем достается хоббиту.

– Хоббиту? – переспросил Берегонд.

– Это мы так себя называем, – пояснил Пиппин.

– Рад слышать, – поклонился Берегонд. – Должен сказать, странный акцент не портит учтивой речи, а хоббиты – народ учтивый. Пойдем. Ты познакомишь меня с этим добрым конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в своем каменном Городе. Мой род жил раньше в горных долинах, а до этого – в Итилиене. Заглянем в конюшню, а уж оттуда – в кладовые. Не унывай, не велика задержка!

Пиппин нашел коня хорошо устроенным и обихоженым. В шестом ярусе за стенами Цитадели, по соседству с домами гонцов Правителя, располагались стойла. Но сейчас, кроме Сполоха, там не было ни одного коня.

Когда они вошли, Сполох заржал и потянулся мордой к Пиппину.

– Доброе утро! – приветствовал его хоббит. – Гэндальф придет, как только освободится. Он шлет тебе привет, а я должен приглядеть, чтобы у тебя все было в порядке и ты мог спокойно отдохнуть после трудов.

Сполох вскинул голову и стукнул копытом, но все-таки позволил Берегонду легонько погладить себя по холке.

– Хоть сейчас на скачки! – восхищенно произнес Берегонд. – По нему не скажешь, что путь был труден. Вот это сила! А где же сбруя? Богатая небось...

– Упряжи под стать не смогли найти, – объяснил Пиппин. – Он так обходится. Если согласится нести тебя, донесет и без сбруи, а нет, так ни шпоры, ни кнут, ни уздечка не помогут. До свиданья, Сполох, потерпи немного. Гэндальф мне меч точить велел. Битва скоро.

Сполох поднял голову и заржал так, что стойло затряслось. На этом они и расстались, убедившись, что овса в яслях достаточно.

– А теперь поспешим к нашей кормушке, – предложил Берегонд, и они по длинной прохладной лестнице спустились в широко освещенный коридор.

В стенах по обе стороны тянулись запертые двери, но одна была открыта.

– Вот кладовая для моего отряда Стражи, – сказал Берегонд и крикнул в дверь: – Привет тебе, Таргон! Знаю, еще не время, но со мной новый воин. Он только прибыл и принят Правителем на службу. Ему пришлось немало проскакать, затянув пояс, а с утра еще и потрудиться. Он проголодался. Дай нам что-нибудь!

Им достались хлеб, масло, сыр и яблоки, последние из зимних запасов, сморщенные, но еще сочные и сладкие, и кожаная бутылка свежего эля, и пара деревянных тарелок с парой кубков, и корзина для всего этого в придачу. С ней они и выбрались на солнышко.

Берегонд привел Пиппина к бойнице восточного бастиона. Отсюда открывался прекрасный вид на утренний мир.

Они ели, пили, разговаривали то о Гондоре и его обычаях, то о Шире и странных землях, которые повидал Пиппин. Изумление Берегонда все росло, он то и дело бросал на хоббита

восхищенные взгляды. А тот, сидя на каменной скамье, беспечно болтал ногами и время от времени приподнимался на цыпочки, заглядывая через паранет.

– Не стану скрывать, мастер Перегрин, – сказал наконец гондорский воин, – ты на наш взгляд – так, парнишка лет десяти, и, однако, на твою долю выпали опасности и чудеса, о которых вряд ли слышали даже наши ветераны. Я-то думал, наш Правитель из прихоти приобрел себе благородного пажу, но теперь вижу, что это не так, и прошу прощения за глупость!

– Прощаю! – махнул рукой Пиппин. – Ты ведь недалек от истины. По нашему счету, я чуть старше мальчишки, и до «вхождения в возраст», как говорят у нас в Шире, мне еще четыре года. Ладно, хватит обо мне. Расскажи-ка, что это за земли перед нами?

Солнце поднялось уже высоко, и туманы в долине растаяли. Крепнувший восточный ветер нес белые клочковатые облака, хлопал флагами и знаменами на Цитадели. На краю долины, лигах в пяти, виднелась Великая Река – серая мерцающая лента, теряющаяся на юго-западе, а дальше, лигах в пятидесяти, лежало Море.

Весь Пеленнор открылся глазам Пиппина. Вдали виднелись пятнышки усадеб, хлева, амбары, но нигде – ни коровы, ни другой живности. Дороги и тропинки во множестве пересекали зеленые поля, и они не пустовали. Одни повозки въезжали в Великие Ворота, другие выезжали им навстречу. То и дело появлялись всадники. Но самой оживленной была главная дорога, которая, сворачивая к югу, огибала отроги гор. Вдоль широкой мощеной мостовой по восточному краю тянулась полоса для верховых, там было попросторнее, а по самой мостовой ползла сплошная масса груженных повозок. Но, приглядевшись, Пиппин понял, что на дороге царит строгий порядок. Подводы двигались тремя потоками: первый – быстрые конные повозки, второй, помедленнее, составляли огромные, запряженные быками телеги, нагруженные пестрым скарбом, а по западному краю дороги шли люди, катившие перед собой ручные тележки.

– Эта дорога ведет к долинам Тумладена и Лоссарнаха, а потом, через горные деревни, в Лебеннин, – сказал Берегонд. – Туда мы отправляем последние повозки – на них старики и женщины с малыми детьми. К полудню в Городе и на лигу вокруг не должно оставаться никого лишнего. Таков приказ. Печальная необходимость, – он вздохнул. – Немногие из них вновь свидятся с родными. В Городе и всегда-то было мало детей, а теперь почти совсем нет. Только ребята постарше, которые сами не захотели уехать. Они могут понадобиться здесь. Мой сын тоже остался.

Пиппин с тревогой посмотрел на восток.

– Что это там? Еще один город?

– Это руины Осгилиата. Когда-то это была наша столица. Враг сжег его, потом Врага выбили и восстановили мост – Денетор, тогда еще молодой, хотел устроить там форпост, а потом из Минас Моргула появились Жуткие Всадники...

– Черные Всадники? – переспросил Пиппин, и глаза его заполонил пережитый страх.

– Они и вправду черные, – кивнул Берегонд. – А ты, похоже, о них знаешь?

– Да. Только говорить не хочу так близко от... – Он запнулся, взглянув за Реку. Ему показалось, что над равниной нависла призрачная угрожающая тень. Может, это зубчатые пики гор темнели вдали, может, всего лишь стена облаков, но за ними чувствовался глубокий мрак. Хоббиту почудилось, что тень растет и сгущается, медленно, очень медленно, но все-таки поднимаясь и закрывая ясные земли.

– Ближе от Мордора? – закончил за него Берегонд. – Да, это он. У нас тоже не любят произносить это название, но его тень давно нависла над нами. Иногда она слабее и дальше, иногда – гуще и ближе. Сейчас она растет, растут и наши тревоги. Меньше года назад Жуткие Всадники отбили переправы. Там полегло много наших лучших воинов. Боромир в конце концов

выбил врагов с западного берега, и мы пока еще удерживаем половину Оспилята. Боюсь, ненадолго. Похоже, там скоро начнется еще одна битва, может, самая главная в грядущей войне.

– А когда, как ты думаешь? – спросил Пиппин. – Я прошлой ночью видел гонцов и сигнальные огни; Гэндальф сказал – это знак, что война началась. Он спешил отчаянно. А сейчас все словно опять притихло.

– Просто все наготове, – сказал Берегонд. – Знаешь, бывает затишье перед бурей...

– А почему тогда огни жгли прошлой ночью?

– Слишком поздно посылать за помощью, когда ты уже в осаде. Я, конечно, не знаю, что думают Денетор и его советники. Вести доходят разными способами. Правитель Денетор прозорлив. Говорят, по ночам, в высоком покое Башни, он силой мысли прозревает грядущее, временами он даже мысленно бьется с Врагом. Поэтому он и состарился до времени. Сейчас все ждут вестей от моего начальника, Фарамира. Он ушел за Реку с опасным поручением.

А вчера вечером были получены вести из Лебеннина. К устью Андуина идет флот умбарских пиратов. Они долго не решались испытать мощь Гондора, а теперь заключили союз с Врагом и готовы нанести удар. Это нападение отвлечет тех, на чью помощь мы рассчитывали в Лебеннине и в Белфаласе, так что нам остается только надежда из Рохан. Хорошо, что ты принес весть об их победе.

И все же, – он помолчал, – события в Изенгарде дают понять: мы опутаны хитростью Врага. Потасовки у Бродов, вылазки в Итилиене и в Анориене – пустяки. Началась настоящая, давно задуманная война, и мы в ней – не самая главная цель, как до сих пор казалось гордому Гондору. На востоке, за внутренним морем, началось движение, и на севере, в Сумеречье, и на юге, в Хараде. Теперь все страны ждет испытание – устоят они или падут... под Тень.

Но все-таки, мастер Перегрин, нам выпала честь вызвать главную ненависть Темного Властелина, ибо ненависть эта идет из глубины времен. Сюда будет направлен самый тяжелый удар. Потому и Митрандир примчался в такой спешке. Если падем мы, кто устоит? Скажи, благородный Перегрин, ты веришь, что мы выстоим? – неожиданно спросил Берегонд.

Пиппин не ответил. Он поглядел на огромные стены, на башни и знамена, на солнце высоко в небе, а потом – на сгущающуюся на востоке тьму и подумал о том, какие длинные руки у этой Тени, подумал об орках в лесах и горах, о предательстве Изенгарда, о птицах с недобрым взглядом и о Черных Всадниках на тропинках Шира, и о крылатом ужасе – о назгулах. Это последняя мысль погасила надежду. И тотчас солнце на миг померкло, словно его закрыло темное крыло. Почти на пределе слуха с небесной вышины донесся крик: слабый, но леденящий сердце, жестокий и холодный. Пиппин, мгновенно побледнев, прижался к стене.

– Что это? – тревожно спросил Берегонд.

– Это гибель, – дрожа, отвечал Пиппин. – Это – тень рока. Черный Всадник, получивший крылья.

– И правда, тень рока, – поежился Берегонд. – Боюсь, что Минас Тирит падет. Я вдруг заледенел весь.

Но с высоты уже снова светило солнце, и постепенно они успокоились.

– Рано отчаиваться, – встряхнулся Пиппин. – Гэндальф вон тоже погиб, но вернулся же. Может, и мы устоим, хоть на одной ноге.

– Верно сказано! – Берегонд вскочил и заходил взад-вперед. – Хоть бы все рухнуло разом, Гондор так сразу не возьмешь. Пусть стены захватят, так есть другие, есть и еще крепости и тайные тропы, что ведут в горы. Надежда и память все равно будут жить в какой-нибудь не приметной долине с зеленой травой.

– По мне, чем бы оно ни кончилось, лишь бы побыстрее, – сказал Пиппин. – Я совсем не воин и не люблю даже думать о битвах, но сидеть и ждать, когда от тебя ничего не зависит, –

хуже всего! Какой сегодня долгий день! Это затишье мучает меня. Невыносимо стоять и ждать. Я думаю, если бы не Гэндальф, в Рохане до сих пор все еще выжидали бы.

– Ты верно заметил, – сказал Берегонд. – Это многие чувствуют. Но подожди, вот вернется Фарамир, и все пойдет по-другому. Он храбрый, куда отважнее, чем думают многие. Просто теперь люди почему-то не верят, что вождь может одновременно и разбираться в свитках знания, и понимать в музыке, как он, а при этом быть еще и отважным, решительным воином. Но Фарамир именно таков. Не столь безрассудный, как Боромир, но и не менее решительный. Хотя, – засомневался Берегонд, – что же сделает Фарамир? У нас нет сил ударить первыми. Мы можем только ответить ударом на удар. Но наш удар будет тяжелым! – Он воинственно пристукнул ножами о каменные плиты.

Пиппин поглядел на него: высокий, благородный, как все люди, встреченные им в этой стране, а теперь, при мысли о сражении, глаза гондорца воинственно сверкнули.

«А мои руки слабее слабого, – подумал Пиппин. – Как там Гэндальф говорил? Пешка? Да еще не на своем поле!»

В полдень ударил колокол, сзывая воинов на обед.

– Пойдем к нам, – пригласил Пиппина Берегонд. – Еще неизвестно, в каком отряде ты будешь. А может, и вовсе останешься при Правителе. Но у нас в отряде тебе будут рады, а друзья еще никому не мешали.

– Спасибо, – поблагодарил Пиппин. – По правде сказать, мне пока одиноко здесь. Мой лучший друг остался в Рохане. Ни поговорить, ни посмеяться не с кем. А может, я останусь в твоём отряде? – с надеждой спросил он. – Возьми меня к себе, а?

– Я же не начальник, – рассмеялся Берегонд, – простой воин третьего отряда Цитадели. Правда, и это немало. Воинов Цитадели в Городе уважают.

– Значит, это тоже не для меня, – вздохнул Пиппин. – Зайдем сначала ко мне, и, если Гэндальф еще не вернулся, я пойду с тобой... как гость.

Однако Гэндальф не возвращался, и Берегонд повел хоббита в свой отряд. Пиппина приняли с большим почётом. Все уже знали о его длительной беседе с Денетором. В отряде ходили слухи о князе, прибывшем с далекого севера с пятитысячным войском и предложением военного союза. А некоторые говорили, что на подходе войска Рохана, и каждый из Всадников везет в седле по отважному и свирепому в бою полурослику.

Пиппин, хоть и с сожалением, опроверг эти рассказы. Но от княжеского титула ему избавиться не удалось. «В самом деле, – рассуждали многие, – другу Боромира и личному гостю Правителя приличествует титул никак не меньше князя». Пиппина благодарили за приезд, а его рассказы о дальних странах и удивительных приключениях слушали так, что он едва не забыл совет Гэндальфа попридержаться язык. Гэндальф хорошо знал хоббитов.

Уходя на пост, Берегонд посоветовал Пиппину найти в Нижнем ярусе его сына, Бергиля.

– Он покажет тебе Город. Сходите с ним к Большим Воротам, пока они не закрылись, – посоветовал он.

Берегонд ушел. Вскоре разошлись и остальные.

Денек был хорош, разве что жарче, чем обычно в марте на юге. Пиппина потянуло в сон, но возвращаться в пустую комнату не хотелось, и он решил спуститься вниз, навестить коня. Он прихватил немножко сахара, прибереженного для Сполоха, и тот принял угощение с радостью, а до этого стоял, понунив голову. Потом извилистыми улочками Пиппин двинулся вниз.

На него глазели. Встречные воины были торжественно учтивы, приветствуя его по обычаю Гондора поклоном и особым жестом. Позади он слышал возгласы: гондорцы звали других взглянуть на Князя Полуросликов, спутника Митрандира. Говорили не только на Всеобщем

языке, но Пиппин быстро усвоил, что означает *Эрнил и Перианнат*, и понял, что от этого титула в Городе он уже не отделается.

Наконец он спустился переходами и мостовыми в нижний, самый широкий ярус, и там ему указали улицу Фонарщиков. На ней он отыскал старый Гостиный Двор, о котором говорил Берегонд, – огромное строение из серого выветренного камня, а за ним – еще один дом с множеством окон. По всему фасаду тянулось крыльцо с колоннами. Между ними играли мальчишки – первые дети, которых Пиппин увидел в Минас Тирите. Он остановился, разглядывая их. Один из мальчишек заметил его взгляд, бросил игру и выбежал на улицу. Теперь он стоял перед Пиппином, рассматривая его как диковинку.

– Привет! – сказал парнишка. – Ты откуда? Ты в Городе чужой.

– Был, – ответил Пиппин. – Говорят, я теперь воин Гондора.

– Да ладно, – неуверенно улыбнулся паренек. – Тогда мы все тут воины. А лет тебе сколько и звать как? Мне вот уже десять, и скоро во мне будет пять футов. Я выше тебя. У меня отец в Страже, он там выше всех. А твой отец кто?

– С чего начинать? – улыбнулся Пиппин. – Мой отец возделывает землю вокруг Белых Ключей около Тукборо в Шире. Лет мне двадцать девять, тут я тебя обогнал, а вот росту во мне всего четыре фута, и больше, пожалуй, не вырасти, разве что в ширину.

– Двадцать девять! – присвистнул его собеседник. – Так ты взрослый совсем. Как мой дядя. А спорим, я смогу тебя на уши поставить или на лопатки положить.

– Может, и сможешь, – рассмеялся Пиппин, – если я разрешу. А может и наоборот оказаться. Знаешь, в моей маленькой стране есть всякие хитрые приемы. А там, сказать по правде, я считаюсь большим и сильным; и я сроду не позволял никому ставить себя на уши. Вот станешь постарше, узнаешь, что по виду да росту не всегда можно судить. Ты принял меня за рохлю-чужеземца, а я – полурослик, сильный, отчаянный и свирепый!

Пиппин скорчил такую рожу, что мальчишка невольно отступил на шаг, но тут же сжал кулаки.

– Да нет! – расхохотался Пиппин. – Мало ли что чужестранцы про себя наплетут! Я не боец. Но во всяком случае, нападающему не мешало бы представиться.

Мальчик гордо выпрямился.

– Я – Бергиль, сын Стража Берегонда!

– Так я и думал, – кивнул Пиппин. – Ты похож на отца. Это он послал меня, чтобы тебя разыскать.

– Что ж ты сразу не сказал! – воскликнул Бергиль и вдруг схватил хоббита за руку. – Только не говори, что он передумал и отправляет меня с женщинами! Да нет, последние повозки ушли ведь.

– Мои вести не настолько плохи, – успокоил его Пиппин. – Отец просил тебя показать мне Город и скрасить мое одиночество, вместо того чтобы ставить на уши. А я бы взамен рассказал тебе о дальних странах.

Бергиль захлопал в ладоши и рассмеялся.

– Конечно! – вскричал он. – Пойдем! Мы все равно собирались к Воротам, поглядеть. Пойдем сейчас.

– А что там?

– До заката по Южной дороге должны подойти вожди окрестных земель. Пошли с нами, увидишь.

Бергиль оказался хорошим товарищем, и скоро они уже бродили по улицам, болтая и смеясь, не обращая внимания на удивленные взгляды. У Больших Ворот авторитет Пиппина в глазах Бергиля вырос необыкновенно. Пиппин назвал пароль, а потом назвался сам. Страж

почтительно приветствовал его и не только пропустил самого Пиппина, но позволил пройти и товарищу знатного чужеземца.

– Вот здорово! – восхитился Бергиль. – Мальчишкам ведь не разрешают больше выходить за Ворота без старших. Теперь мы все увидим.

Перед Воротами собралась толпа. Как только хоббит с мальчиком протолкались в первые ряды, послышались звуки труб и крики:

– Форлонг! Друг Форлонг!

– О ком они? – спросил Пиппин.

– Форлонг пришел, – объяснил Бергиль, – старый Форлонг Толстяк, правитель Лоссарнаха. Я оттуда родом. Вот он, старина Форлонг!

Во главе отряда неторопливо вышагивал мохнатый битюг, на нем восседал человек (о таких говорят: поперек себя шире), старый, седой, но в кольчуге, черном шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним стройными рядами шли запыленные воины в полном вооружении, с огромными боевыми топорами, суровые и коренастые. Они были смуглее гондорцев.

Среди приветственных криков слышались горькие голоса: «Их так мало! Всего двести воинов! А мы ждали никак не меньше двух тысяч. Это из-за пиратов! Одно название осталось от мощи Лоссарнаха. Ну, да нам каждая кроха ценна!»

Отряд Форлонга вошел в Город, а к Воротам уже подходили новые войска. Южные провинции шли на помощь Городу в грозный час, но слишком малы были их отряды, меньше, чем ждали и чем требовалось в нужде. Людей из долины Рингло возглавлял сын предводителя, Дерворин. Три сотни пеших. Из верховий Мортонда, Долины Черных Корней, высокий Дуинхир с сыновьями, Дуилином и Деруфином, привел пять сотен лучников. Из Анфаласа, с дальнего взморья, пришел разношерстный народ: охотники, пастухи, крестьяне из маленьких деревушек, кое-как вооруженные, и дружина их правителя Голасгила. Из Ламедона – всего несколько угрюмых горцев без вожака. Шли рыбаки Этира – несколько сотен. Хирлуин Прекрасный с зеленых холмов Пиннат Гелина ехал во главе трех сотен благородных воинов в зеленом. Последним явился самый достойный из всех – Имрахиль, князь Дол Амрота, родич Денетора. На позолоченных знаменах красовался знак Корабля и Серебряного Лебедя; за ним следовал отряд рыцарей в полном вооружении на серых конях и семь сотен воинов, высоких, сероглазых и темноволосых. Они шли и пели.

Вот и все. Меньше трех тысяч в общей сложности. Больше ждать было некого.

Топот, пение, боевые кличи, звуки рогов постепенно затихали. Любопытные постояли еще немного. В неподвижном воздухе висела кисея пыли. Солнце склонялось за Белые Горы, и на Город ложились вечерние тени. Близилось время закрытия Ворот.

Пиппин взглянул в небо. Закатные лучи с трудом пробивались сквозь дымный, пепельно-серый воздух. Краски были багровы и угрюмы.

– Какое гневное небо! – пробормотал хоббит, забыв о своем спутнике.

– Точно. Если я не приду вовремя, гнева будет хоть отбавляй, – отозвался Бергиль. – Идем. Ворота уже закрывают.

Они последними вошли в Город, когда в окнах уже зажигались огни, а на башнях печально звонили колокола.

– До свиданья, – попрощался Бергиль. – Увидишь отца, поблагодари его от меня за нового друга. И приходи завтра опять. Мне уже почти хочется, чтобы не было войны, вот бы мы тогда весело зажили! Сходили бы в Лоссарнах, к моим родичам – там хорошо весной! А может, мы туда еще и попадем. Не победить им нашего Правителя, и отец у меня отважный! До свиданья! Обязательно завтра приходи.

Они расстались в Нижнем Городе, и Пиппин поспешил в Цитадель. Быстро темнело. Идти было далеко, он устал и проголодался и вдобавок опоздал к ужину. Берегонд обрадовался его приходу, поделился своим пайком и стал расспрашивать о сыне, но Пиппин торопился домой. На сердце у него было беспокойно. Хотелось повидаться с Гэндальфом, который все знает и рядом с которым ничего не страшно.

Они вышли на улицу. В небе не было ни звездочки, и Город затопила темень.

– Ты найдешь дорогу? – забеспокоился Берегонд. – Нам приказано не зажигать огня в домах и на стенах. Да, чуть не забыл! Утром тебя призывает Денетор. Похоже, в третий отряд ты не попадешь. Ну, да как-нибудь увидимся. Прощай, друг! Доброй ночи!

В комнате, куда наконец добрался Пиппин, было темно, но на столе горел маленький светильник. Гэндальфа опять не было, и от этого тревога и грусть Пиппина только возросли. Он выглянул в окно – все равно что в чернильницу заглянул. Тогда ему пришло в голову закрыть ставни. Стало немного уютней, он лег и долго прислушивался – не идет ли Гэндальф, да так и уснул. А среди ночи проснулся и увидел мага, меряющего шагами комнату. На столе, среди свитков пергамента, горели свечи. Пиппина разбудило бормотание, но он услышал только, как Гэндальф, тоскливо вздохнув, сказал:

– Когда же вернется Фарамир?

– Ты пришел! – радостно воскликнул хоббит, поднимаясь. – Это хорошо, а то я думал, не забыл ли ты про меня. Такой длинный день был...

– Зато ночь будет короткой, – проворчал Гэндальф. – Я пришел подумать в тишине. Спи, пока еще спишь в постели. На рассвете мы идем к Денетору. Хотя что я говорю! Рассвета не будет. Наступил Великий Мрак!

Глава II

Выбор Арагорна

Когда стих топот копыт Сполоха, уносящего Гэндальфа и Пиппина, Мерри вернулся к Арагорну. Сумку свою он потерял еще в Порт Галене, собирать было нечего – так, кое-какие полезные мелочи с развалин Изенгарда. Леголас и Гимли ожидали только сигнала тронуться в путь.

– Нас осталось четверо, – сказал Арагорн. – Мы будем вместе, но пойдем не одни. После этого крылатого ужаса король решил выступать немедленно и возвращаться к холмам под прикрытием ночи.

– А потом куда? – спросил Леголас.

– Еще не знаю. Правитель отдал приказ войскам собраться в Эдорасе на четвертую ночь после этой. Там, я думаю, его ждут вести о войне, и Всадники Рохана двинутся к Минас Тириту. Но у меня другая дорога.

– Я с тобой, – тут же сказал Леголас.

– И я тоже, – отозвался Гимли.

– Мой путь еще темен для меня, – задумчиво ответил Арагорн. – Кажется, наступает час, к которому я готовился всю жизнь. Нам тоже нужно попасть в Минас Тирит, но каким путем мы придем туда, я еще не решил.

– А я? – подал голос Мерри. – До сих пор от меня было немного толку, но я все-таки не какая-нибудь безделушка. Всадникам не до меня, хотя их Правитель и обещал, что мы поговорил с ним о Шире после возвращения.

– Мне видится, что ты должен идти с ним, Мерри, – сказал Арагорн. – И не рассчитывай на веселую прогулку! Теодену долго еще не сидеть в покое Золотых Палат. Немало надежд иссякнет этой горькой весной!

Они отправились затемно. Теоден, с ним двадцать два Всадника, Леголас с Гимли и Арагорн с Мерри. Уже переправившись через Изен, они услышали за спиной топот. Их нагнал Всадник из арьергарда.

– Повелитель, – доложил он. – Нас настигает конный отряд. Мы слышали их от самой переправы, скоро они будут здесь.

Теоден приказал остановиться. Всадники развернулись и взяли за копыта. Арагорн тотчас спрыгнул с коня и с мечом в руках встал у стремени правителя. Йомер со своим оруженосцем быстро выдвинулись вперед. Мерри опять остался не у дел и острее прежнего ощутил свою никчемность. Держа в поводу коня Арагорна, он думал, как быть, если на них нападут.

«Будь что будет», – решил он, обнажил меч и поправил пояс.

Заходящую луну заслонило большое облако, а когда снова просветлело, все явственно услышали топот коней и различили темные фигуры, быстро приближавшиеся по тропе от Бродов. Лунный свет поблескивал на копьях. Их было, во всяком случае, не меньше, чем в королевском отряде.

До них оставалось шагов тридцать, когда Йомер властно прокричал:

– Кто вы и что вам нужно в Рохане?

Чужой отряд остановился. Наступила тишина. Один из всадников спешил и медленно двинулся вперед. Он протянул руку ладонью вверх – это был знак мира. Не доходя шагов десяти, человек остановился. Он был высок ростом, и голос его звучал ясно.

– Рохан? Так вы сказали? Приятно слышать! Сюда и торопились мы издалека.

– Вы вступили на земли Рохана, когда пересекли Броды, – сказал Йомер. – Но здесь правит король Теоден, и воины передвигаются только с его позволения. Кто вы и почему торопитесь?

– Я – Хальбарад, Следопыт с севера, – ответил человек. – Нам нужен Арагорн, сын Арахорна. Я знаю, что он должен быть в Рохане.

– Хальбарад! – вскричал Арагорн и, бросившись к предводителю отряда, крепко обнял его. – Хальбарад! Из всех неожиданностей ты – самая приятная!

Мерри перевел дух. Отдавать жизнь, защищая Теодена, можно было подождать. Он вложил меч в ножны.

– Все в порядке. – Арагорн повернулся к отряду короля. – Это мои люди. Но сколько их и почему они пришли, лучше расскажет мой верный друг Хальбарад.

– Со мною тридцать человек. Столько, сколько удалось собрать, – ответил Хальбарад. – С нами Элладан и Элрохир, сыновья Элронда. Мы выступили, как только узнали, что тебе нужна помощь.

– Но я не просил помощи, – удивился Арагорн, – хотя в мыслях я часто обращался к вам, друзья, но вестей не посылал. Однако вы здесь, и я очень этому рад. Сейчас мы спешим, нам угрожает опасность. Правитель, – обратился он к Теодену, – позвольте им ехать с нами.

– Хорошо, – сказал Теоден, и было видно, что он доволен. – Если ваши люди хоть немного похожи на вас, благородный Арагорн, то тридцать таких витязей – это не просто тридцать человек. В путь!

Теперь они скакали вместе. Арагорн расспрашивал вновь прибывших о новостях. Элрохир сказал:

– Отец велел передать тебе: «Срок близок. Если придется спешить, вспомни о Тропах Мертвых».

– Я никогда не медлил, – ответил, помрачнев, Арагорн. – Но как же надо спешить, чтобы отважиться на этот путь!

– Об этом предстоит подумать, – отозвался Элрохир, – но не сейчас, посреди дороги.

– Да, – кивнул Арагорн и после некоторого молчания спросил: – Хальбарад, что это у тебя? Для копья велико...

– Подарок тебе от Девы Имладриса, – ответил Хальбарад. – Долго и втайне от всех трудилась она над ним и передает со словами: «Сроки истекают. Теперь или никогда. Возьми то, что принадлежит тебе. Добрый путь, Эльфинит!»

– Да, – опять сказал Арагорн, – я знаю, что это. Пусть будет у тебя.

Дальше он скакал молча, неотрывно глядя на север, где в ночном небе горели крупные звезды.

На рассвете они прибыли в крепость Хорне. После отдыха было решено собрать совет.

Гимли и Леголас с трудом разбудили Мерри.

– Солнце высоко, – тормошил хоббита эльф. – Вставай, лежебока, все давно на ногах, оглядись вокруг!

– Три ночи назад здесь была битва, – сказал Гимли. – Мы с Леголасом состязались, и я отыграл у него одного орка. Иди глянь, как все было! А пещеры тут, Мерри, диво что за пещеры! Леголас, может, прямо сейчас и сходим туда?

– Времени нет, – отозвался эльф. – На чудеса второпях не смотрят. Я же обещал тебе вернуться, если снова настанут мирные дни. А сейчас дело к полудню. Надо успеть поесть. Мы скоро выступаем.

Мерри неохотно поднялся, зевая во весь рот. Он не выспался. Пиппина не было, не с кем было отвести душу, и он снова почувствовал себя обузой. Чтобы как-то сменить настроение, он поинтересовался, где Арагорн.

– Он наверху, в башне, – ответил Леголас. – Всю ночь не спал, думает, – озабоченно добавил он. – С ним его родич, Хальбарад. Что-то заботит нашего Колоброда.

– Удивительные они люди, эти дунаданы, – заметил Гимли. – Угрюмые. Слова лишнего не скажут. Роханские Всадники рядом с ними кажутся беспечными мальчишками.

– Но говорят учтиво, – сказал Леголас. – Жаль только – мало. А вы обратили внимание на Элладана и Элрохира? Они не так мрачно выглядят. Красота, изящество – настоящие эльфийские князья. Сразу видно сыновей Элронда из Дольна.

– А почему они приехали, я так и не понял, – признался Мерри. Он уже оделся, накинул плащ, и теперь они втроем направлялись к разбитым воротам.

– Ты же слышал, их позвали на помощь, – сказал Гимли. – Они говорили: в Дольне узнали, что Арагорну нужна помощь, вот дунаданы и отправились к нему в Рохан. А как узнали – неведомо. Должно быть, от Гэндальфа.

– Нет, это – Галадриэль, – заявил Леголас. – Помните? Она ведь сообщила через Гэндальфа о Сером Отряде с севера.

– Так и есть, – важно кивнул Гимли. – Владычица Леса! Она читает в сердцах и в мыслях. Может, и нам пожелать на подмогу наших родичей, а, Леголас?

Эльф стоял в воротах и смотрел на северо-восток. Лицо его было встревожено.

– Им нет нужды идти на войну, – ответил он. – Она сама пришла к ним.

Друзья прошли по крепости, вспоминая недавние события, спустились к разбитым воротам, прошли мимо свежих курганов у дороги и помянули павших, потом остановились у вала, разглядывая следы, оставленные хуорнами, и высокий, засыпанный черными камнями Холм Смерти. В полях и на разрушенном валу кипела работа: там были и дунгарцы, и воины из Хорне.

Побродив некоторое время в долине, странно тихой после недавних событий, друзья вернулись в крепость. Теоден, узнав об их приходе, тут же призвал Мерри, усадил его рядом и сказал:

– Конечно, это не дворец, который я обещал вам. Но до Эдораса далеко, и мы не скоро вернемся туда. Значит, с пирами придется подождать. Сейчас есть время, вот угощение, поговорим же, а потом – в путь!

– И я с вами? – воскликнул обрадованный Мерри. Он был очень благодарен Правителю за ласковые слова. – Я только мешаю всем, – удрученно добавил он, – но буду стараться сделать все, что могу.

– Я не сомневаюсь в этом, любезный Мериадок, – ответил старый Правитель, – я даже велел приготовить для вас подходящую лошадку. Она хоть и невелика ростом, но на том пути, которым мы пойдем, не уступит другим коням. Мы вернемся в Эдорас по горным дорогам, через Дунхарг, где меня ждет Йовин. Я предлагаю вам сопровождать меня в качестве личного оруженосца. Вы согласны?

Мерри только взволнованно кивнул.

Правитель, обращаясь к Йомеру, спросил:

– Найдется ли у нас подходящее вооружение?

– Конечно, больших складов здесь нет, – отвечал Йомер, – но легкий шлем можно подобрать. А вот с мечом и кольчугой вряд ли что получится.

– Меч у меня есть, – сказал Мерри, обнажая свой нуменорский клинок. Повинуясь внезапному порыву, он опустил его на колени и взволнованно сказал: – Великий Теоден! Прошу тебя, прими под свои знамена меч Мериадока из Шира вместе с его жизнью!

– Принимаю охотно, – ответил старый Правитель, кладя руку на голову хоббита. – Встань, Мериадок, щитоносец Рохана! Пусть твоему мечу сопутствует удача!

Мерри встал и, сдерживая слезы в голосе, проговорил:

– Вы для меня стали отцом, Правитель!

– Жаль только, ненадолго, – грустно ответил Теоден.

Их беседу прервал Йомер.

– Пора ехать, Правитель. Я прикажу подать сигнал к походу. Только где же Арагорн? Я не видел его за столом.

– Да, пора ехать, – поднимаясь, сказал Теоден. – Найдите благородного Арагорна и напомните ему об отъезде.

Сопровождаемый свитой, он вышел вместе с Мерри из крепости. Правителя уже ждал многочисленный отряд Всадников. В крепости оставался только небольшой гарнизон. Около тысячи копейщиков выступили ночью. К месту сбора в Эдорасе Теодена сопровождали еще пятьсот воинов, по большей части – жители долин и предгорий Вестфолда.

Поодаль, небольшой группой, молчаливые, хорошо вооруженные, располагались люди Хальбарада. Их оружие и одежда были попроще, чем у Всадников, и одеты они были в простые темно-серые дорожные плащи. Лишь на плече у каждого тускло мерцала пряжка в виде серебряной многолучевой звезды.

Теоден сел на коня, и в это время из ворот вышли Йомер, Арагорн и Хальбарад с древком в черном чехле. За ними, неразлично похожие, шли сыновья Элронда: высокие, темно-волосые, сероглазые, в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шагали Леголас и Гимли.

Мерри, сидевший на низкорослой лошадке рядом с Правителем, не мог отвести удивленного взгляда от Арагорна. За одну ночь Колоброд словно постарел на много лет. Он выглядел мрачным и измученным.

– Я смущен духом, благородный Теоден, – произнес он, подходя к королю. – Странные слова слышал я и грозные опасности видел. Мои планы приходится менять. Скажите, когда вы будете в Дунхарге?

– Сейчас полдень, – ответил за Правителя Йомер, – если мы выступим без промедления, то к вечеру третьего дня будем там. Сбор отрядов назначен на следующий день. Нам нужно собрать все силы, быстрее этого не сделать.

– Через три дня войска начнут собираться... И быстрее этого не сделать... – пробормотал Следопыт. – Повелитель, – обратился он к Теодену, видимо, приняв какое-то решение, – я прошу позволить моему отряду выбрать свой путь. Мы не будем больше скрываться и пойдем на восток кратчайшей дорогой – Путем Мертвых.

При этих словах Теоден вздрогнул. Видно было, что они поразили и Йомера, а Мерри показалось, что Всадники, стоявшие поблизости, побледнели.

– Насколько я знаю, – медленно проговорил Теоден, – никому из смертных не удавалось воспользоваться этой «кратчайшей» дорогой...

– Ах, Арагорн, – горестно вздохнул Йомер, – я думал, что в бою мы будем биться плечом к плечу. Но если ты выбрал Путь Мертвых, значит, пришел час прощания. Едва ли мы встретимся снова под солнцем.

– Не только встретимся, благородный Йомер, – твердо ответил Следопыт, – но и будем вместе в битве, пусть хоть все силы Мордора встанут между нами. Выбор сделан, и время не ждет.

– Вы вольны в своих поступках, – печально произнес Теоден. – Может быть, такова ваша судьба – проходить там, где не пройдет никто. Разлука огорчает меня, а в предстоящей битве

вы и ваш Андрил умножили бы наши силы... Но, видно, не суждено. Теперь я тем более должен спешить. Прощайте!

– Прощайте, повелитель, – ответил Арагорн. – Да приведет ваш путь к славе! Прощай, Мерри, ты остаешься в надежных руках, я не беспокоюсь за тебя больше. Гимли и Леголас идут со мной, но мы не забудем о тебе. Не забывай и ты нас. Прощай!

Мерри едва сумел вымолвить ответное «прощай!». Ему было нестерпимо жаль расставаться с Колобродом, но слова «Путь Мертвых» словно придавили его к земле, он снова почувствовал себя маленьким и остро пожалел, что рядом нет веселого, неунывающего Пиппина. Кони под всадниками нетерпеливо перебирали ногами, и Мерри хотелось, чтобы поход начался, лишь бы не длить тяжести прощания.

Наконец, после короткого приказа Теодена, Йомер взмахнул рукой, и отряд Всадников двинулся вперед. Вскоре они уже скрылись за поворотом. Арагорн со стены вала долго глядел им вслед. Спустившись, он подошел к Хальбарату:

– Я проводил троих очень близких друзей, Хальбарат, и меньшего из них я люблю ничуть не меньше других. Он не догадывается даже, к какой судьбе скачет, но если бы и догадался, то все равно не повернул бы коня.

– Насколько я успел узнать хоббитов, – отозвался Хальбарат, – они отважны, и слово «долг» им знакомо. Мне не жаль сил, потраченных на охрану границ Шира, хотя хоббиты и не знают о наших трудах.

– Мы сроднились с ними, – задумчиво проговорил Арагорн, – но вот, пришлось расстаться. Пора и нам. Сначала – обед, а потом – в путь! Леголас, Гимли, нам нужно поговорить.

Однако за столом Арагорн долго молчал.

– Успокойся, – участливо сказал Леголас, – к чему печалиться? Что такое стряслось со времени нашего прибытия?

– Мне пришлось выдержать битву пострашнее недавней, – хмуро ответил Арагорн. – Я воспользовался Камнем Ортханка, друзья.

– Ты смотрел в этот проклятый камень?! – ужаснулся Гимли. – Но ведь даже Гэндальф опасался этого! И ты... ты сказал что-нибудь Врагу?

– Ты забываешь, с кем говоришь! – глаза Арагорна сверкнули. – Что, по-твоему, я должен был сказать ему? Что охотно обменял бы одного дерзкого гнома на смиренного орка? – Лицо его стало мягче, и на нем еще отчетливее проступили следы усталости. – Нет, добрый Гимли, я ничего не сказал Врагу. Камень мой по праву, и у меня достаточно сил, чтобы пользоваться им, – так я думал, во всяком случае. Но если право мое бесспорно, то вот сил едва хватило. – По лицу Следопыта прошла судорога. – Борьба была страшной, но я не только не сказал ему ничего, но и вырвал Палантир из-под его власти. Это удар для него, и сильный удар. А еще – Враг видел меня. Да, достойный Гимли, он видел меня, но не в том обличье, в котором я знаком вам... До сих пор он не знал о моем существовании, и это – второй удар. Саруман в Ортханке видел просто человека в роханских доспехах, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни его Нарсил, и вот теперь, в трудный для него час, он узрел потомка Исилдура, увидел Андрил и узнал этот меч. Как ни велико его могущество, но и ему знаком страх, и его вечно снедают тревоги.

– Но он очень силен, – сказал Гимли, – и теперь не замедлит с ударом.

– Кто спешит, тот рискует промахнуться, – ответил Арагорн. – Мы не будем ждать, пока он начнет, мы ударим сами. – Следопыт помолчал и сказал уже спокойнее: – Подчинив Камень Ортханка своей воле, я узнал немало. Я видел, что Гондору угрожает с юга новая опасность. Если не предотвратить ее, Гондор не выстоит и десяти дней.

– Значит, он падет, – скорбно произнес Гимли. – Кого послать на помощь и как она успеет?

– Послать некого, это верно. Значит, придется идти самому. А что до времени, то к побережью ведет короткий путь, и воспользоваться им не поздно. Это – Путь Мертвых.

– Путь Мертвых... – вздрогнув, повторил Гимли. – Я уже слышал сегодня эти слова и видел, что Всадникам они не по душе. Похоже, эта дорога не для простого смертного. Но если даже ты пройдешь по ней, что может сделать горстка воинов против мощи Мордора?

– Смертные не пользовались этой дорогой после прихода рохирримов, – промолвил Арагорн, – она закрыта для них. Но в темный час судьбы наследник Исилдура, если осмелится, сможет одолеть ее. Слушайте, что передает мне Элронд через сыновей: «Пусть Арагорн помнит о словах прорицателя и Пути Мертвых».

– А ты знаешь, что это за слова? – спросил Леголас.

– Да. Мальбет Прорицатель во дни Арведуи, последнего короля Форноста, сказал:

*Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил... Содрогается замок...
Близится время подняться умершим:
Клятвопреступников час наступает.
Эреха камень опять соберет их
Вместе по звуку звенящего рога.
Кто обладатель священного рога?
Кто созовет их у Черного Камня?
Тот, чьему предку служили неверно
Люди, забытые в сумерках серых,
Тот, кто откроет забытые двери,
Тот, кто проследует Тропами Мертвых...*

– О темных вещах ты говоришь, – сказал Гимли, – только эти слова для меня еще темнее.

– Если хочешь разобраться, приглашаю тебя с собой, – сказал Арагорн, – ибо я выбираю именно этот путь, выбираю без всякой радости, а только потому, что так должно. Тяжкий труд и великий страх, а может быть, и что-нибудь похуже сулит он, поэтому я не прошу вас идти со мной...

– Я пойду с тобой даже Тропами Мертвых! – пылко воскликнул Гимли.

– Я тоже, – поддержал его Леголас. – Я не боюсь мертвых.

Гимли уже овладел собой.

– Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, – проворчал он. – Иначе я не вижу, чего ради их беспокоить!

– Об этом мы узнаем, если придем к Эреху, – сказал Следопыт. – Когда-то эти люди поклялись сражаться против Саурана, и им придется сдержать обещание. На вершине Эреха стоит Черный Камень. Исилдур принес его из Нуменора. На этом камне король горцев поклялся в преданности моему предку, когда создавалось княжество Гондор. Саурон вернулся, мощь его начала расти, и тогда Исилдур напомнил горцам о данном обещании. Но Тьма уже делала свое дело, и горцы отказались выступить против Врага. Тогда и сказал Исилдур королю горцев слова, которые помнят у нас на Севере: «Ты будешь последним королем этого народа. Запад сильнее твоего Черного Владыки. Я проклинаю тебя и твой народ: да не будет вам в мире покоя, покуда не исполните своей клятвы. Ибо несчетные годы будет длиться эта война, и однажды вас призовут снова». Гнев Исилдура не позволил горцам принять сторону Саурана, но и страх перед Врагом был силен. Тогда они ушли в тайные места в горах и медленно угасали в бесплодных холмах. Никто из живых больше не видит их. Но Проклятие Исилдура действовало, и с тех пор ужас Бессонных Мертвецов лежит на холме Эреха, там, где обитало раньше это гордое племя. Этим путем я и пойду, даже если останусь один.

Леголас и Гимли молча встали. У ворот крепости их ждал отряд Хальбарада. Арагорн вскочил в седло. Хальбарад огляделся, поднял большой рог и громко протрубил. Вскоре отряд исчез в облаке пыли, поднятом копытами коней.

Пока Теоден неспешно пробирался предгорьями, Серый Отряд вихрем пронесся по равнине. К полудню следующего дня они спешили в Эдорасе. После недолгого отдыха Арагорн повел своих людей к Дунхаргу.

Йовин с радостью приветствовала дунаданов и сыновей Элронда, но прибытие Арагорна вызвало у нее совсем особые чувства. За ужином он поведал ей о том, что произошло после отъезда короля Теодена, а рассказ о сражении в Хельмовой Пади заставил заблестеть глаза прекрасной воительницы.

Выслушав, Йовин сказала:

– Вы устали, но сегодня я не ждала вас, вам придется отдыхать в наспах приготовленных покоев, зато завтра мы устроим вам настоящий прием.

– Нет, милая Йовин, – ответил Арагорн. – Завтра на рассвете нас уже не будет здесь. Ночлег и легкий завтрак на дорогу – вот все, что нам нужно. Мы спешим.

Йовин с трудом улыбнулась:

– Спасибо, что ты приехал издалека поразвлечь меня новостями.

– Чтобы развлечь тебя, любой приехал бы хоть с края света. Но меня привела сюда моя дорога.

– Должно быть, ты сбился с пути. Из этой долины нет дорог ни на восток, ни на юг.

– Следопыта трудно сбить с дороги, – устало улыбнулся Арагорн. – Я бродил по этим землям еще до того, как на них пал отсвет твоей красоты. Одна дорога есть. Моя. Меня ждет Путь Мертвых.

Йовин вздрогнула, побледнела и долго молча смотрела на Арагорна. Наконец она сказала:

– Но почему ты непременно должен искать смерти? Кроме нее, на этом пути ничего нет. «Мрак не пропустит никого из живых», – я слышала это много раз.

– Может быть, меня все-таки пропустит. Я должен попытаться. Других путей для меня нет.

– Но это же безумие, – проговорила она. – С тобой доблестные и отважные люди; лучше бы ты повел их в битву, а не во мрак. Я прошу тебя, дождись моего брата и отправляйся с ним, светлее будет у всех на сердце и ярче надежда.

– Это не безумие, госпожа, – отозвался Арагорн. – Я выбрал предназначенный мне путь. А те, что со мной, идут по доброй воле. Они могут остаться здесь и идти с рохирримами. А я пойду Тропами Мертвых, даже если придется идти одному.

Наступило долгое молчание. Йовин не сводила глаз с Арагорна. Мучительные минуты переживала она. Наконец гости поднялись, поблагодарив за заботу, и отправились в отведенные покои. Йовин окликнула Арагорна. Он обернулся. Ее белое платье мерцало в ночи, глаза блестели.

– Арагорн, ну зачем тебе этот страшный путь?

– Я ведь не по своей воле выбираю пути, Йовин. Только так я смогу совершить, что должен, в нашей борьбе с Врагом. Если бы я следовал только зову сердца, то бродил бы сейчас в прекрасных садах Дольна.

Девушка задумалась над этим ответом, потом, положив руку ему на плечо, сказала:

– Ты отважен и решителен. К таким приходит слава. Позволь мне сопровождать вас. Я не хочу больше прятаться среди холмов, меня влекут сражения и опасности.

– Долг повелевает тебе остаться с твоим народом, – ответил Следопыт.

– Слишком часто я слышу о долге! – воскликнула она. – Разве я не из рода Йорлов? Я воин, а не сиделка. Я и так долго просидела у старческих ног. Теперь король снова в седле, так разве я не могу устраивать собственную жизнь по своей воле?

– Даже собственную жизнь надо устраивать достойно, – произнес Арагорн. – А твоему попечению король вверил людей. Если бы его выбор пал на другого, если бы на твоём месте оказался любой военачальник, что бы ты сказала, брось он людей, доверенных ему?

– Выбор и дальше будет падать на меня, – горько сказала Йовин. – И я всегда буду оставаться, когда уходят Всадники, и присматривать за домом, пока они добывают славу, и готовить еду, и стелить постели к их возвращению...

– А если они не вернутся однажды? Тогда понадобится доблесть без славы, ибо некому помнить подвиги тех последних, кто будет биться у порога дома. Но и безвестный подвиг остаётся подвигом.

– Опять я слышу те же слова: «Ты – женщина, твой удел – дом». А когда воины с честью гибнут в битве, тебя оставляют гореть вместе с домом, потому что мужчинам он больше не нужен. Я из дома Йорла, и я не служанка, а вот должна сидеть у очага, хотя не боюсь ни ран, ни смерти. Я с детства езжу верхом и владею оружием не хуже любого другого.

Арагорн внимательно посмотрел на нее и осторожно спросил:

– Но что же тогда страшит тебя?

– Клетка! – порывисто ответила она. – Не хочу сидеть в клетке всю жизнь, пока старость не отнимет у меня всякую надежду совершить подвиг!

– Ты рвешься к подвигам, а меня отговариваешь от них, – с шутливым упреком заметил Следопыт.

– Я не отговариваю, – горько ответила Йовин, – я хочу, чтобы твой меч принес победу и славу, и не только тебе. Доблесть нужна, но...

– Я тоже так думаю, – прервал ее Арагорн. – Оставайся здесь. Тебе нечего делать на юге.

– Как и твоим спутникам, – сказала она. – Они идут только потому, что не хотят расставаться с тобой, потому что тоже любят тебя! – С этими словами Йовин повернулась и исчезла в темноте.

На рассвете, еще до восхода солнца, Серый Отряд был готов выступить. Арагорн уже вдел ногу в стремя, но в этот момент к ним подошла Йовин. На ней была одежда Всадника, на поясе – меч, в руках – кубок. По обычаю она отпила глоток, желая им удачи в пути, и передала кубок Арагорну. Он тоже отпил и пожелал счастья ей и ее народу.

Леголас и Гимли, знавшие Йовин гордой и холодной наместницей короля, с удивлением увидели слезы на ее прекрасном лице. Она смотрела только на Арагорна.

– Ты не исполнишь мою просьбу? Не возьмешь меня с собой?

– Нет, – покачал головой Следопыт. – Без согласия Правителя и твоего брата – нет. Они придут только завтра, а мне дорог каждый час. Прощай, Йовин!

Тогда неожиданно она упала на колени.

– Прошу тебя!

– Нет, – еще раз ответил он, бережно поднимая ее и целуя ей руку. Потом он вскочил в седло и не оглядывался больше. Те, кто знал его близко, видели, как тяжело у него на сердце.

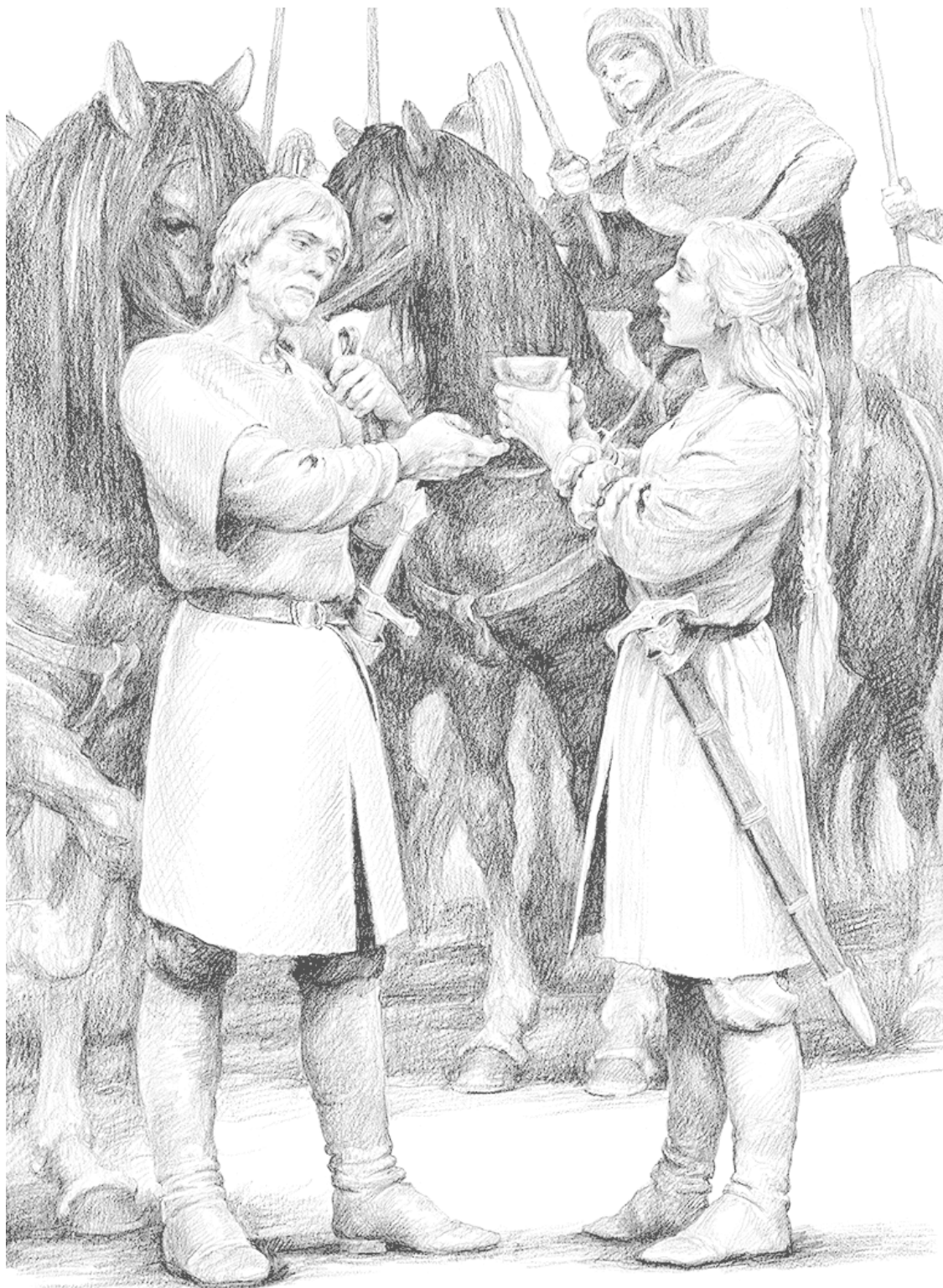
Отряд скрылся. Йовин долго стояла неподвижно, глядя ему вслед, а потом, нетвердо ступая, вернулась в свой шатер. В лагере никто не видел этого прощания, все еще спали, а когда проснулись и узнали, что пришельцы уехали, с облегчением говорили друг другу:

– Вот и хорошо! Ни эльфов, ни их родичей нам не надо. И без того времена смутные.

Отряд скакал в серых сумерках, потому что солнце скрывалось за гребнями Обжитой Горы, вздымавшейся впереди. Первые волны страха захлестнули их уже в тени древних скал, на подходах к Димхолту. Там, где уступы поросли деревьями с густой черной хвоей, перед

ними открылась расселина; вход в нее запирали могучий одинокий утес, вздымавшийся словно перст судьбы.

– Кровь стынет в жилах, – пробормотал Гимли. В полной тишине голос его прозвучал мертво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю. Кони упирались и храпели. Пришлось спешиться и вести их в поводу мимо мрачного утеса. Миновав его, они оказались в узкой долине, противоположный край которой перегораживала отвесная скальная стена. Посреди нее, словно разверстая пасть, зияла Темная дверь. Широкую арку венчали смутно видимые, глубоко высеченные в скале знаки. От них на путников волнами накатывал ужас. Отряд остановился, с трепетом взирая на страшную преграду. Один только эльф был спокоен. Призрачный мир людских страхов не пугал его.

– Это дверь зла, – промолвил Хальбард. – Я чую за ней свою смерть. И все-таки я войду. Но лошади не пойдут, я в этом уверен.

– Мы войдем все, и лошади пойдут с нами, – твердо произнес Арагорн. – Если мы преодолеем тьму за этими воротами, нам еще скакать и скакать. Каждый потерянный час приближает победу врага. За мной!

Он двинулся вперед, и такова была в этот час его сила, что и дунаданы, и их кони последовали за ним. Только Эрод, конь из Рохана, отказался идти и стоял, дрожа от невыносимого

ужаса. Тогда Леголас закрыл ему глаза руками и спел на ухо несколько слов, мягко и мелодично прозвучавших в мрачной тишине. Конь перестал дрожать и медленно пошел вперед.

Позади остался только Гимли. Колени гнома мелко тряслись, и ноги не шли.

– Неслыханно! – воскликнул он в гневе на себя. – Когда это было, чтобы эльф шел в подземелье, а гном не осмеливался! – С этими словами он бросился вперед, как в омут.

С первым шагом на Гимли, сына Глоина, бестрепетно бродившего во многих глубинах мира, обрушилась, словно обвал, крошечная пещерная тьма.

Арагорн с зажженным факелом шагал впереди; последним, тоже с факелом в руке, шел Элладан. Гимли отстал и теперь старался нагнать отряд. Он видел перед собой только тусклый свет факелов, а когда путники останавливались, со всех сторон напал невнятный беспрерывный гул, как будто странные нездешние голоса нашептывали слова, звуки которых не походили ни на один известный гному язык.

Никто не спешил нападать на них, ничто не преграждало путь, однако страх гнома все возрастал. Он отчетливо понимал, что обратного пути нет. Он чувствовал, как позади, на дороге, возникают незримые толпы, следующие за ними во тьме.

Гном не знал, сколько времени прошло, прежде чем однообразие пути было нарушено. Широкая дорога вдруг еще больше расширилась, стены отступили, но на Гимли навалился такой ужас, что он с трудом переставлял ноги. В это время в свете факела Арагорна слева что-то тускло блеснуло. Арагорн остановился, а потом решительно свернул с дороги.

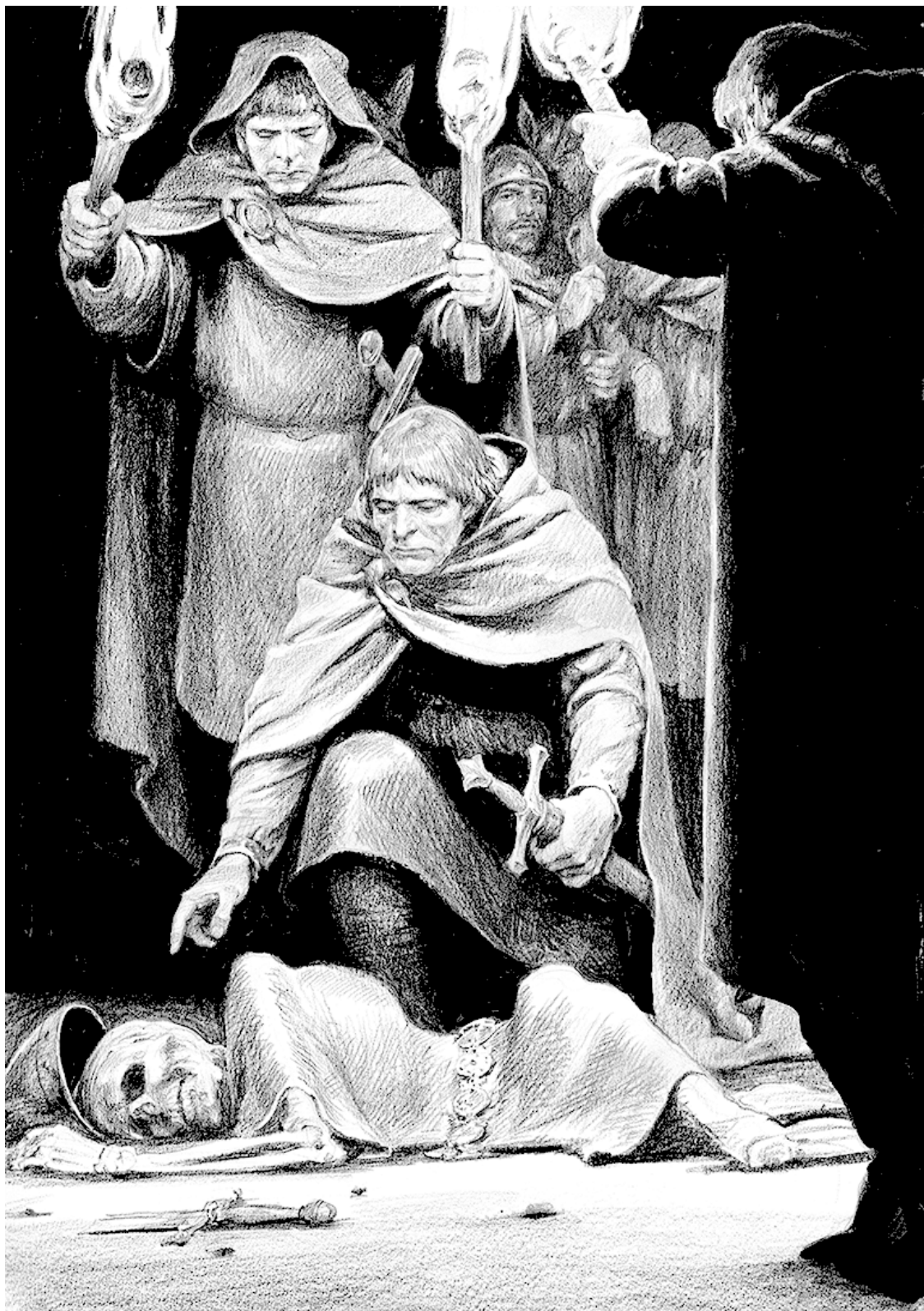
– И как это он не боится? – пробормотал гном. – Будь это любая другая пещера, Гимли первым бы посмотрел, что это там за штука с таким золотым блеском. Но только не здесь! Пусть себе лежит, где лежит, что бы оно там ни было!

Тем не менее он подошел и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а рядом Элладан держит оба факела. Перед ними лежали останки могучего человека. Его кольчуга и доспехи были в полной сохранности: воздух подземелья был сух, а металл вооружения вызолочен. Кольчугу охватывал золотой, отделанный гранатами пояс, богатый шлем прикрывал голову фигуры, лежащей лицом вниз. Гимли огляделся и увидел, что воин упал возле стены пещеры; прямо перед ним была запертая каменная дверь. Тут же лежал сломанный меч. Клинок был весь в зазубринах, словно им в отчаянии рубили скалу.

Арагорн долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя:

– Никогда до конца времен не придут сюда цветы симбелина. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. – Арагорн потрянул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: – Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна только быстрота. Освободите путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню Эреха!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; факелы затрепетали и погасли, зажечь их снова не удалось. Дальнейший путь Гимли почти не запомнил. Проходили часы или дни – он не знал. Только ужас сжимал его сердце все сильнее и сильнее. Раз он споткнулся и дальше полз на четвереньках, как зверь, ощущая, что все меньше и меньше остается в нем от Гимли, сына Глоина, и пробуждается что-то дремучее, с чем уже невозможно совладать. Он чувствовал, что еще немного, и он бросится назад, во тьму, в страх, идущий по пятам...

И вдруг впереди забрезжил свет. Журчанье ручья встретило путников, миновавших еще одни широкие ворота. Вокруг высоко в небо вонзались островерхие изломанные утесы, а прямо перед ними по уступам спускалась дорога. Они находились в ущелье, таком глубоком и узком, что, несмотря на дневное время, в темно-фиолетовом небе светились маленькие колючие звезды. Потом Гимли узнал, что до заката того же самого дня, когда они вышли из Дун-

харга, оставалось еще два часа; для него же это были сумерки, может быть, прошлого года, а может быть, и другого мира.

Здесь отряд снова сел на коней. Гимли со слезами облегчения занял место позади Леголаса. Они скакали до самого вечера, но, даже когда на землю спустились синие сумерки, страх все еще не отпустил их.

Леголас обернулся на скаку, всматриваясь во что-то позади.

– Мертвые следуют за нами, – спокойно промолвил он. – Я вижу силуэты людей на конях, бледные стяги, как клочья тумана, и лес призрачных копий. Мертвые следуют за нами.

– Да, Мертвые скачут позади, – подтвердил Элладан. – Они вняли призыву.

Вдруг ущелье кончилось, и перед ними раскинулась долина. Ручей, долгое время сопровождавший их, сбегал вниз, холодно звеня среди камней.

– Что это за земли? – спросил Гимли, и Элладан ответил:

– Перед нами Мортонд, большая, холодная река, впадающая в Море неподалеку от Дол Амрота. Люди зовут ее Черный Корень.

Ступенчатые склоны долины Мортонда заросли травой, но в послезакатный час все вокруг казалось серым. Далеко внизу светились огни в домах людей. Плодородной и густонаселенной была эта долина.

Арагорн привстал на стременах, и его голос раскатился над долиной Мортонда.

– Друзья! Забудьте усталость! Вперед! Нам нужно попасть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долог.

Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной и начал спускаться в долину. По мере их приближения паника охватывала селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!»

Заполошно звонили колокола, все живое бежало перед отрядом Арагорна. Но всадники стремительно пронеслись мимо и еще до полуночи, во мраке, который был непроглядней подгорного, достигли Холма Эреха.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван, накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, круглый, в человеческий рост высотой, наполовину вросший в землю. Станным и нездешним выглядел он. Многие верили, что когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл предания Заокраинного Запада, говорили, что его принес и установил здесь славный Исилдур. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. Элрохир передал Арагорну тяжелый, отделанный серебром рог. Арагорн громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Хотя над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешил и, встав возле камня, вскричал:

– Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи послышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

– Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

– Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру на Андуйне. Когда во всех этих землях не останется ни следа слуг Саурана, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я – Элессар, наследник Исилдура и Король Гондора, повелеваю – следуйте за мной!

По его знаку Хальбарад развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке было не разглядеть символов, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стылом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх, исходивший от теней, окруживших холмы, клубился над Камнем Эреха.

Холодный и бледный рассвет только еще занимался, а Арагорн уже вел отряд по пути, труднее которого не изведal никто из смертных. Дунаданы-северяне, гном Гимли и эльф Леголас преодолели эту дорогу, ведомые его стальной волей, не знающей преград.

Они миновали перевал Тарланг, пересекли Ламедон и вышли к Келембелу на Кириле, когда багровое солнце уже опускалось за отроги Пиннат Гелин у них за спиной. Огромное призрачное войско неотступно шло следом, а впереди мчался крылатый страх. Город и поселения на Кириле лежали перед ними опустошенные, немногие оставшиеся в живых бежали в холмы, едва пронесся слух о приближении Короля Мертвых и его воинства.

На другой день не рассвело. Серый отряд ушел во Мрак, насланный Мордором, и скрылся с глаз живых. Войско Мертвых последовало за ним.

Глава III

Рохан собирает войска

Отныне все дороги вели на восток, навстречу Тьме. В тот самый час, когда Пиппин, стоя перед воротами Города, смотрел на входящие войска, король Рохана во главе большого отряда Всадников спускался с гор.

Вечерело. Длинные тени, перегоняя лошадей, бежали впереди по долине. На лесистых склонах было уже темно. После дня пути король ехал медленно. Тропа, огибая огромный скальный уступ, нырнула под своды тихо шепчущих елей. Все ниже и ниже спускался отряд в долину. Блеск водопадов приглушали сумерки.

Весь этот день воины спускались вниз вдоль ручья; теперь вместе с ними он устремился в широкую долину, поглотил небольшой приток и, взбивая пену, помчался по камням к Эдорасу. В верховьях долины, словно запирая ее, высился могучий горный пик с вершиной, укрытой вечными снегами. На восточных его склонах густо голубели тени, западные склоны пылали в огне заката.

Мерри с изумлением озирался по сторонам. Ему было интересно в незнакомой стране. Это был край без неба; в туманной дымке глаз различал только горы, каменная стена вставала за стеной, меж ними разверзались пропасти, заполненные туманом. От могучих водопадов воздух тихо звенел, шумели деревья, стучали по камням копыта. Раньше Мерри любил слушать о горах, думать о них, но теперь, когда горные хребты вздымались вокруг под самые небеса, он чувствовал себя неуютно, живо ощущая исполинскую тяжесть, гнетущую грудь Среднеземья. Слишком они были большие; глядя на них, хотелось оказаться в маленькой комнатке возле камина.

Отряд был в пути уже третий день. Шли почти без отдыха, и Мерри не на шутку устал. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с правителем, не замечая улыбок Всадников. Пожалуй, выглядели они действительно забавно: хоббит на косматой, коренастой серой лошадке и король Рохана на могучем белом коне. Мерри рассказывал о Шире или слушал легенды Рохана. Но чаще он следовал позади Теодена, прислушиваясь к медленной, звучной речи Всадников. Иногда слова их языка напоминали ему родной говор, но смысл ускользал. Зато песни Всадников ему очень нравились.

В этот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество. В голове теснились мысли о любезном друге Пиппине, о Гимли, Леголасе, Арагорне, и вдруг резануло по сердцу воспоминание о Фродо и Сэме. «Я начал забывать о них, – упрекнул он сам себя. – А ведь все, что мы делаем, делается ради них. Представляю, каково им там одним, и на сотни лиг вокруг ни одного друга. Живы ли они?» Он вздохнул.

– Вот и Харрог, – сказал Йомер. – Мы почти на месте.

Словно через высокое окно смотрели они на огромную долину внизу. Там уже стемнело. Лишь один огонек мигал у реки.

– Это место недолго пробудет нашим пристанищем, – промолвил Теоден. – До цели не близко. Прошлой ночью луна была полной, и утром я должен быть в Эдорасе. Там ждут войска.

– Государь, – понизил голос Йомер, – не пренебрегайте моим советом. Напутствуйте воинов и возвращайтесь сюда. А когда кончится война...

Теоден с улыбкой остановил его:

– Нет, сын мой. Отныне я буду называть тебя так. Твоим устам не подобает изрекать, а моим слушать коварные речи Червослова. – Король выпрямился и обернулся, оглядывая сдвоенный ряд Всадников. – Мне кажется, что прошли не дни, а годы, с тех пор как я выступил в этот поход, но я не хочу больше опираться на посох. Если война будет проиграна, чего мне

ждать, хоронясь среди гор? А если нас ждет победа, гибель моя не будет чрезмерной ценой. Оставим пока этот разговор. Нынче ночью я отдыхаю в крепости Дунхарг. Хоть один мирный вечер у нас остался. Вперед!

Поздним вечером они спустились в долину. Речка Снежица текла по западному ее краю, и вскоре тропа вывела их к броду. При появлении отряда из тени под скалами выступили воины и приветствовали короля. Один из них протрубил в рог. Сигналу ответили другие рога, и за рекой начали зажигаться огни.

Внезапно откуда-то сверху грянул целый хор труб. Звонкое эхо замечалось меж каменных стен.

Так король Рохана вернулся с победой к подножию Белых Гор. Его ожидали. Как только дозорные сообщили о приближении отряда, военачальники поспешили навстречу королю. Дунхир не замедлил выложить новости, полученные от Гэндальфа.

– Правитель! – сказал он. – Три дня назад, на рассвете, Сполах вихрем примчался в Эдорас, и Гэндальф обрадовал наши сердца вестью о победе. Он передал твой приказ на сбор войскам. А потом... появилась крылатая тень!

– Так она и здесь побывала? – спросил Теоден и в ответ на недоуменный взгляд пояснил: – Мы видели ее еще до отъезда Гэндальфа.

– Может быть, это и та же, – ответил Дунхир, – а может, другая, но она пролетела утром над самой крышей дворца, и веришь ли, правитель, но мы не могли пошевелиться от ужаса. Вот тогда Гэндальф и посоветовал нам не собираться на открытом месте, а встретить вас здесь, в ущелье, в тени гор. И он велел не зажигать огней, кроме самых необходимых. Старец распоряжался от твоего имени, мы все исполнили, как он требовал.

– Хорошо, – коротко одобрил Теоден. – Я направляюсь в крепость и через час жду всех военачальников на совет.

Дорога теперь вела точно на восток, к устью долины. Впереди Мерри с трудом различал горные кряжи и рассеченную пополам речной долиной вершину Стылого рога. Теперь им попадалось все больше людей. Они толпились вдоль дороги, приветствуя короля и Всадников. Ряды шатров, коновязи, островки копий, по обычаю поотрядно вонзенных в землю, сложенные рядом щиты – близкое дыхание войны неузнаваемо изменило пейзаж. С вершин тянуло холодным ветром, но на равнине не было заметно ни одного огня. Взад-вперед расхаживали закутанные в теплые плащи часовые.

Мерри гадал, сколько здесь Всадников. В темноте было не разобрать, но в любом случае численность войск превышала несколько тысяч. Пока он глазел по сторонам, отряд приблизился к восточному краю долины, и тропа круто пошла вверх. Мерри присвистнул. Такого он, пожалуй, еще не видел. Уже не тропа, а настоящая дорога – творение древних каменотесов – причудливым зигзагом взбиралась по крутому склону утеса. По ней могли подняться и кони, и повозки, но для врага все эти повороты и острые углы становились непреодолимым препятствием. На каждом повороте торчали изваяния огромных неуклюжих людей, сидевших на корточках, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие ручки. Время стерло их лица, оставив лишь дыры глазниц, печально взирающих на проходящих. Всадники не обращали на идолов внимания, а Мерри разглядывал скорбные силуэты статуй с любопытством и почти с жалостью.

Когда отряд поднялся над долиной на несколько сот футов, хоббит оглянулся и различил далеко внизу цепочку Всадников, пересекающих брод и растекающихся по приготовленным для них бивакам. Только король со свитой поднимался в крепость. Наконец дорога, нырнув в проем, вышла на плато, поросшее травой и вереском, высоко над ущельем Снежицы. Между Стылым Рогом на юге и зубастым хребтом Йерензага на севере вставала стена Обжитой Горы.

Посреди плато тянулся двойной ряд огромных каменных глыб. Этот коридор уводил к черному Димхолту, к страшному каменному столбу и разверстой пасти Запретной двери.

Таким был Дунхарг, древняя крепость, строителей которой не помнили уже ни песни, ни легенды. Зачем возвели они эту твердыню, тайный храм или усыпальницу – никто не знал. Было это в Темные годы, когда ни один парус не показывался у западного побережья, а дунаданский Гондор еще не начинал строиться. Неведомые зодчие исчезли, оставив после себя только странных придорожных идолов.

Камни на плато выветрились и почернели, одни наклонились, другие и вовсе упали, треснули или рассыпались. Теперь они напоминали челюсть дряхлого старика. Мерри призадумался: зачем они здесь, и вздрогнул, надеясь, что король не поведет отряд этим мрачным коридором. Потом он разглядел по обе стороны дороги шатры и палатки, лепившиеся по самому краю плато. Справа, где было просторнее, их было больше, слева виднелся небольшой лагерь с высоким шатром в центре. От шатра навстречу им поскакал всадник. Мерри ужасно удивился, разглядев молодую женщину редкой красоты; длинные волосы ее были убраны в косы, а одежду дополняли кольчуга и меч на поясе.

– Приветствую повелителя! – звонко крикнула она еще издали. – Сердце радуется вашему возвращению.

– И я рад тебе, Йовин, – отвечал король. – Все ли в порядке здесь?

– Все хорошо, повелитель! – Ответ был бодрым, но Мерри показалось, что голос женщины дрогнул, он даже решил бы, что она недавно плакала, хоть в это с трудом верилось. – Все хорошо. Поначалу пришлось нелегко. Людей сорвали с места. Ворчали многие, но обошлось без злых дел. Твой народ успел отвыкнуть от войны, повелитель. Но сейчас все уже устроено. Я ждала вас именно сегодня.

– Значит, Арагорн здесь? – спросил Йомер.

– Нет. – Йовин повернулась и долгим взглядом окинула горы на юго-востоке. – Он прибыл вчера ночью, но на рассвете уже уехал.

– Ты опечалена, дочь моя? – участливо произнес Теоден. – Что случилось? Скажи, он говорил тебе, куда направляется?

– Да, – ответила Йовин. – Он ушел в тень, из которой не возвращаются. Его нет больше. Тропы Мертвых поглотили его.

– Наши дороги разошлись, – с горечью сказал Йомер, – и наши надежды гаснут.

Правитель и сопровождающие удалились в приготовленные шатры. Оказалось, что для Мерри рядом с шатром Теодена тоже поставлена палатка. Там он и сидел один, наблюдая за суетой в лагере и раздумывая о том, что слышал. Настала ночь, и над едва видимыми силуэтами гор на западе замерцали звезды. Небо на востоке оставалось темным и пустым.

– Тропы Мертвых... – бормотал он. – Что бы это могло быть? Все друзья разбрелись кто куда. Гэндальф с Пиппином сражаются на востоке, Фродо с Сэмом – в Мордоре, а теперь вот и Колоброд с Гимли и Леголасом понесло на эту самую Тропу Мертвых. Видно, скоро и моя очередь...

Но додумать ему не дали, потому что труба позвала на обед; тут же пришел посланный и пригласил Мерри к столу правителя.

Теоден встретил его ласково, и, вместо того чтобы как подобало оруженосцу прислуживать за столом, Мерри был усажен на особое место. Слева от короля он увидел за столом Йомера, Йовин и Дунхира. Трапеза проходила в молчании, и Мерри не сразу собрался с духом, чтобы задать мучавший его вопрос.

– Повелитель, – произнес он, наконец справившись со смущением, – здесь говорили о Тропах Мертвых. Что это за путь? И куда ушел Колоброд, ну то есть князь Арагорн?

Король лишь вздохнул. Вместо него ответил Йомер.

– Оттого и тяжесть у нас на сердце, что мы не знаем, где теперь Арагорн. Тропы Мертвых... – Он помолчал. – Ты и сам прошел по ним несколько шагов. Нет, я не о дурных предзнаменованиях! Дорога, по которой мы пришли, ведет через Димхолт к Двери. А что за ней – не знает никто из живущих.

– Не знают, не помнят или не хотят помнить, – проговорил Теоден, – но есть одна древняя легенда... Ее долго передавали от отца к сыну в роду Йорлов. В легенде говорится, что за Дверью начинается тайная тропа, она идет под горами... Куда? О том не помнят уже. С тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в Дверь и навеки пропал для мира живых, никто не отважился последовать за ним. Однажды на пиру в только что построенном Золотом Дворце Балдор, осушив до дна рог, дал опрометчивую клятву... И трон Эдораса, который он должен был унаследовать, так и остался пуст.

Люди говорят, что Мертвые Темных Лет стерегут этот путь и живым не войти в их тайные залы. Временами их тени видят по эту сторону Двери на каменной дороге. Тогда в Харроге запирают дома и дрожат от страха. Но Мертвые показываются редко, только перед большими бедами.

– В Харроге говорят, – тихо добавила Йовин, – что в последнее новолуние целая прозрачная армия маршем прошла по дороге и исчезла в горе. Они спешили, словно войска на место сбора.

– А зачем же все-таки Арагорн пошел туда? – так и не понял Мерри.

– Ты, его друг, не знаешь, – покачал головой Йомер, – не знаем и мы. Арагорн из тех, кто сам выбирает пути, а нынешний его выбор неведом для живых.

– Он сильно изменился с тех пор, как я впервые увидела его в королевском дворце, – сказала Йовин. – Он стал непреклоннее... Может быть, его призвали Мертвые... Тогда он обречен.

– Может, он и призван, – согласился Теоден. – Сердцем чувствую, что не увижусь с ним больше. Но он – благородный человек высокой судьбы. Я вижу, дочь моя, ты беспокоишься о нашем госте, но вспомни предание и утешься. Когда Йорлинги пришли с севера и поднялись по Снежице, подыскивая места для укреплений, Брего с сыном Балдором взобрались по Лестнице и вышли к Двери. На пороге сидел старик по виду старше самого времени. Наверное, некогда был он высок и знатен, а теперь иссох, как древний камень. Сначала они и приняли его за камень, но когда попытались войти, словно из-под земли донесся до них его голос, на западном наречии произнесший: «Здесь нет пути».

Они остановились, разглядывая его, и поняли, что он еще живой, но их не видит. «Здесь нет пути, – снова повторил старец. – Это Путь Мертвых, и Мертвые хранят его до срока. Для живых путь закрыт». «А когда настанет срок?» – спросил Балдор, но ответа так и не получил. Ибо старик умер в тот же миг и упал ничком. Так наш народ и не узнал ничего больше о древних жителях гор. Быть может, срок настал, и Арагорну удастся пройти.

– Но как узнать человеку, пришел час или нет, не входя в Дверь? – спросил Йомер. – Окажись я один против всех полчищ Мордора, и то я не выбрал бы этот путь. Жаль потерять столь отважного воина в такой нужный час! Мало разве зла на земле, чтобы искать его еще и под землей? До войны рукой подать...

Он умолк. Снаружи послышался шум, кто-то выкликал имя Теодена.

В шатер вошел начальник караула и доложил:

– Правитель, прибыл гонец из Гондора и просит принять его немедленно.

– Пусть войдет, – распорядился Теоден.

Гонец вошел, и Мерри чуть не вскрикнул от неожиданности – так этот гонец был похож на Боромира. Поверх серебряной кольчуги у воина был накинут зеленый плащ, на шлеме поблес-

кивала серебряная звездочка. Преклонив колено, он протянул Теодену стрелу с черным оперением и красным наконечником.

– Приветствую повелителя рохирримов и друга Гондора, – сказал посланец. – Я – Хиргон, гонец Денетора. Правитель шлет тебе этот знак войны. Гондор в великой опасности. Часто помогали нам рохирримы, но сейчас Денетор призывает тебя отдать ему все и как можно быстрее. Иначе Гондор падет.

– Красная Стрела! – воскликнул Теоден, и рука его дрогнула. – На моей памяти она не появлялась в Рохане. Какой же помощи ждет от меня могучий Денетор?

– Вам о том лучше знать, повелитель, – ответил Хиргон. – Минас Тирит может быть окружен. Может, у вас и хватит сил прорвать осаду, но правитель Денетор просил передать, что, на его взгляд, войска рохирримов принесут больше пользы внутри, чем снаружи.

– Но он же знает, что наш народ привык сражаться верхом и на равнине! А потом, нам нужно время, чтобы собрать Всадников. К тому же Правителю Минас Тирита известно наше положение. Мы уже ведем войну, как видишь, и ты не застал нас врасплох. С нами был Гэндальф Серый, по его совету мы начали готовиться к битве на востоке.

– Мне неизвестны мысли благородного Денетора, – ответил воин, – но он просит вспомнить прежнюю дружбу и старые клятвы. Война идет на нас отовсюду. Положение отчаянное. По нашим сведениям, многие восточные короли перешли на службу Мордору. Война везде. С юга движутся харадримы, наши побережья в огне, оттуда нечего ждать помощи. У стен Города решается судьба нашего времени. Денетор просит тебя торопиться, правитель. Если мы не остановим врага под Городом, Рохан тоже не устоит. Заклинаю тебя внять просьбе Денетора.

– Мрачные вести, – промолвил Теоден, – хоть и не совсем неожиданные. Передай Денетору: мы придем к нему на помощь. Но мы понесли большие потери в битве с изменником Саруманом, и теперь, после твоих вестей, нам надо подумать о защите своих владений на севере и на востоке. Сил Темного Властелина вполне хватит, чтобы осадить Город и одновременно ударить через Реку на Врата Королей.

Но мы не будем больше обмениваться благоразумными советами. Мы придем. Сбор войск назначен на завтра. Мы выступим, как только будем готовы. Десять тысяч копий под моей рукой, но четыре придется оставить в Эдорасе. Шесть тысяч приведу я. Передай Денетору, что в этот грозный час сам король Рохана идет в Гондор, хоть и не надеется вернуться назад. Но путь недалек. Раньше чем через неделю вам не услышать боевой призыв Всадников.

– Неделя! – горестно воскликнул Хиргон. – Через неделю вы можете найти одни разрушенные стены, если не подоспеет неожиданная помощь. Разве что спугнете орков и не дадите южакам пировать в Белой Башне.

– Если не останется ничего другого, сделаем хотя бы это, – сдержанно отозвался Теоден. – У нас за спиной сражение и долгий путь, мы нуждаемся в отдыхе. Нет пользы в усталых воинах. Отдохни и ты. Завтра увидишь сбор войск, и твой обратный путь будет не так уж мрачен. Утро вечера мудренее.

С этими словами король поднялся.

– Всем отдыхать! – приказал он. – И ты, добрый Мериадок, свободен сегодня, но завтра с восходом солнца будь наготове.

– Я буду готов, – ответил Мерри, – даже если вы позовете меня на Тропы Мертвых.

– Надеюсь, этого не случится, – слабо улыбнулся король. – Но теперь и простые дороги могут оказаться путями мертвых. Впрочем, о твоих дорогах мы подумаем завтра. Доброй ночи!

Мерри засыпал в своей палатке с радостной мыслью, что он тоже нужен, что его не оставят здесь одного. Ему показалось, что не успел он закрыть глаза, а его уже будят.

– Но еще же совсем темно, – возмутился он, – солнце же не взошло еще!

– И не взойдет, – сурово ответил будивший его Всадник. – Время не терпит, подымайся скорее. А солнце... может быть, не взойдет никогда.

Мерри поспешно оделся и вышел. Мир потемнел. Сам воздух казался бурым, а все вокруг – тусклым и бесформенным. В темном небе не разглядеть было облаков, только далеко на закате, куда не дотянулись еще цепкие лапы мрака, пробивался слабый свет. Небо нависло тяжелым сводом, угрюмым и однообразным. Люди вокруг тревожно переговаривались. Многие выглядели испуганными.

В шатре Теодена Мерри застал Хиргона и еще одного гонца из Гондора. Он заканчивал рассказ:

– Эта напасть пришла из Мордора прошлым вечером на закате, повелитель, – говорил он. – Я был у восточных холмов твоего королевства, когда увидел, как она медленно ползет по небу и пожирает звезды. Тьма накрыла уже всю землю от Хмурых Гор до полей Рохана и продолжает стучаться. Война началась.

Король долго молчал.

– Вот она и пришла наконец, – медленно проговорил он, – величайшая из битв нашего времени. Теперь нам незачем больше скрываться. Мы выступим открыто и как можно быстрее. Мы не будем ждать тех, кто замешкался. Хватит ли запасов в Минас Тирите? – обратился он к гонцу. – Если нужна скорость, мы выступим налегке.

– Запасов хватает, – ответил Хиргон. – Не берите лишнего. Скачите быстрее!

– Тогда зови герольдов, Йомер, – сказал Теоден. – Пусть войска строятся.

Йомер вышел, и сейчас же затрубили трубы. В неподвижно-мрачном воздухе звуки были хриплыми и дребезжащими.

Правитель положил руку на плечо Мерри.

– Ну вот, добрый Мериадок, я иду в бой. Ты свободен от своих обязанностей, но не от моего дружеского расположения. Мне бы хотелось, чтобы, оставшись здесь, ты служил Йовин. Она будет замещать меня.

– Повелитель, – дрожащим голосом, со слезами на глазах проговорил Мерри, – я хочу только одного: быть рядом с вами. Все мои друзья отправились на войну, а я должен остаться в стороне?

– Но наши кони слишком велики для тебя. Тебе не справиться с ними.

– Тогда привяжите меня к седлу, но не оставляйте здесь! – взмолился Мерри. – А если нельзя ехать верхом, позвольте бежать за вами. Пусть я сотру ноги до колен, но не отстану!

Теоден улыбнулся.

– Ну зачем же так! Лучше я возьму тебя к себе на седло. Хорошо, – решил он, – будешь сопровождать меня в Эдорас. Войска выступят оттуда.

Мерри отошел, сильно опечаленный, но тут его крепко взяли под руку, и он увидел Йовин.

– Идем со мной, доблестный Мериадок, – сказала она без улыбки. – Арагорн просил меня подобрать тебе подходящее оружие, и я обещала выполнить его поручение. Сердце подсказывает мне, что доспехи тебе еще понадобятся.

Она привела его в шатер свиты Теодена. Там оружейник вручил Мерри шлем, круглый щит с белым конем на зеленом поле и другое необходимое снаряжение по росту.

– Ни кольчуги, ни панциря для тебя не нашлось, – сказала Йовин, – а сейчас ковать их уже поздно. Но вот тебе от меня кожаная куртка и пояс для твоего меча. Пусть они принесут тебе удачу. Прощай, добрый Мериадок, может, мы еще свидимся.

Мерри в ответ молча низко поклонился ей.

Так в сгущающемся мраке король Рохана готовился выступить по восточной дороге. С тяжелым сердцем отправлялись Всадники в бой, но это были суровые люди, верные своему королю; никто не роптал, даже в лагере, где размещались женщины, старики и дети, не заметно было ни слез, ни жалоб. Рок навис над страной, но рохирримы принимали судьбу молча.

Быстро пролетели два часа. Король, высокий и величавый, на белом коне, который, казалось, мерцал в полумраке, объезжал строй. Люди дивились и радовались, видя его исполненным решимости.

На широком поле вдоль берега реки выстроились Всадники в полном вооружении – пятьдесят пять сотен – и несколько сотен воинов резерва с запасными, легко нагруженными конями. Прозвучал единственный рог. Король поднял руку, и войска двинулись.

Во главе шли двенадцать военачальников, все ветераны, покрытые славой. Справа от Короля ехал Йомер. Он распрощался с Йовин еще в крепости и теперь гнал от себя печаль расставания, стараясь думать лишь о предстоящем пути. За ними трусил Мерри на своей лошадке, потом следовали гондорские гонцы, а еще дальше – снова двенадцать королевских рыцарей. Они проехали вдоль длинного ряда людей, ожидавших сигнала с суровыми, неподвижными лицами. Эскорт миновал левый фланг строя, и вдруг Мерри поймал взгляд одного из Всадников. «Молодой воин, – подумал хоббит, возвращая взгляд, – полегче и погибче остальных». Он уловил блеск ясных серых глаз и вздрогнул – так смотрят те, кто оставил надежду и ищет лишь смерти.

Вниз по дороге вдоль Снежицы спускались они. Женщины, стоя в темных проемах дверей, провожали воинов печальными возгласами. Так, без песен, без музыки, без звуков рогов, начался великий поход на восток, о котором и много поколений спустя пели в Рохане:

*Из Дунхарга утром ненастного дня
Сын Тенгеля выехал с верною свитой,
И в Эдорас прибыл. Златые чертоги,
Сиявшие некогда пламенным светом,
Наполнены были тяжелою мглой,
Высокие роицы – одеты туманом.
Недолгим и тягостным было прощанье
С местами святыми и верным народом,
Со всеми, кто помнил счастливые годы,
Царившие до наступления тьмы.
Отринув сомненья, навстречу судьбе
Король поспешил, верный данным обетам.
Путь Йорлингов длился пять дней и ночей,
Их видели Фолд, и Фириен, и Финмарх:
И к Мундбургу вышли шесть тысяч бойцов –
Могучему граду властителей Моря.
Он был осажден многотысячным войском,
И черный огонь воздымался, неистов,
Вкруг стен крепостных. И в великом сраженье
Всех смерть приняла. Уходили во мрак
И всадник, и конь. И в тени угасали
Удары копыт... Так поведали песни.*

В полдень они были в Эдорасе. Тьма по-прежнему окутывала все кругом стылым саваном. Казалось, что наступил поздний вечер. Теоден отдавал приказания вновь прибывшим отрядам, а потом, отпустив военачальников, ласково, но твердо простился с Мерри.

– Твоей лошадке не выдержать этого пути, – сказал правитель. – На полях Гондора нам предстоит такая битва, в которой падут многие могучие воины. Для тебя там не найдется ничего, кроме гибели.

– Кто может это знать? – пылко возразил Мерри. – Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили как о ненужной вещи, от которой всем хочется избавиться.

– А я хочу спасти тебя, – грустно ответил Теоден. – Не забывай, ты обещал повиноваться мне. Если бы битва шла у стен Эдораса, я не сомневаюсь, что о твоих подвигах сложили бы песни. Но до Гондора сто двадцать лиг. Никто из Всадников не может взять тебя с собой. Это мой приказ, Мериадок, и больше мы не будем говорить об этом.

Донельза огорченный, Мерри смотрел, как строились войска. Воины поправляли снаряжение и сбрую, оглаживали коней, с беспокойством поглядывая на небо. Почувствовав рядом чье-то присутствие, хоббит обернулся и увидел того самого Всадника, который так странно посмотрел на него сегодня утром.

– «Для твердой воли нет преград», – шепнул Всадник, – так говорят у нас в Рохане. Мне кажется, ты хотел бы быть вместе с правителем в этом походе?

– Да, очень хотел, – ответил Мерри, – но...

– Так можешь ехать со мной, – неожиданно сказал воин и подмигнул ошеломленному хоббиту. – Сядешь впереди, я прикрою тебя плащом, в этом сумраке никто не заметит. – И добавил с затаенной скорбью: – Нельзя отказывать тому, кто так стремится помочь. Но – никому ни слова! Идем, пора собираться.

– Очень благодарен вам! – радостно ответил Мерри. – Но я не знаю даже вашего имени.

– Разве? – усмехнулся Всадник. – Зови меня Дернхельм.

Вот так и случилось, что, когда войска Рохана выступили, Мерри сидел в седле впереди Дернхельма, а серый конь даже не замечал этого, потому что молодой воин, хотя и был силен и ловок, но все-таки и ростом и статью уступал другим Всадникам.

Они двинулись навстречу сумраку. Первый ночлег устроили в ивовых зарослях, где Снежица впадает в Энтову Купель, в двенадцати лигах от Эдораса. А наутро – снова вперед, через Фолд и Финмарх, где по правую руку Священные Дубравы взбирались по отрогам к рубежам Гондора, а по левую руку лежали туманы над болотами в устье Энтовой Купели. Они скакали, а навстречу неслась молва о войне на севере. Растерянные, испуганные люди говорили о врагах, напавших на восточные границы, об орочьих ордах, бесчинствующих в степях Рохана.

– Вперед! – командовал Йомер. – Теперь поздно поворачивать. Топи Энтовой Купели прикроют нас слева. Надо спешить. Вперед!

Король Теоден покинул пределы Рохана. Перед его войском лежал долгий путь. Сигнальные Холмы вставали по сторонам один за другим: Каленхад, Мин Риммон, Эрелас, Нардол. Но не было огней на их вершинах. Серые молчащие земли простирались вокруг, все темнее становилось под небом, все слабее грела сердца надежда.

Глава IV

Осада города

Гэндальф разбудил Пиппина. За окнами по-прежнему было темно, в комнате горели свечи. Духота стояла, как перед грозой.

– Который час? – спросил Пиппин, зевая.

– Начало третьего, – ответил маг. – Одевайся, тебя призывает Правитель. Надеюсь, ты не забыл, что служишь ему?

– А он даст нам позавтракать?

– Нет. Завтрак готов, – Гэндальф кивнул на стол, – и до обеда больше ничего не будет. В Городе экономят провизию.

Пиппин угрюмо разглядывал небольшую краюху хлеба, очень маленькую (на его взгляд) порцию масла и чашку молока.

– И зачем ты меня привез сюда? – проворчал он.

– Чтобы помешать тебе делать глупости, – в тон ему ответил маг. – Если тебе здесь не по нраву, то кроме себя винить некого.

Пиппин насупился и замолчал.

Когда Гэндальф снова привел его в зал со статуями и колоннами, Денетор сидел на том же самом месте. «Как старый терпеливый паук, – подумалось Пиппину, – он что, так со вчера и сидит тут?» Правитель предложил Гэндальфу сесть, не обращая внимания на стоящего Пиппина, но потом живо обернулся к хоббиту.

– Ну что, добрый мой Перегрин, надеюсь, ты провел вчерашний день с пользой и приятством. Вот только угощение могло показаться тебе скудным. Но – война. – Он слегка развел руками.

Пиппин покраснел. Ему показалось, что Правителю известны не только его слова, но и мысли.

– Что же ты намереваешься делать у меня на службе? – спросил Денетор.

– Я думаю, что повелитель укажет мои обязанности.

– Укажу. Когда узнаю, что ты можешь. А для этого лучше всего оставить тебя при себе. Будешь выполнять мои поручения, беседовать со мной, когда будет время. Петь умеешь?

– Умею, – обрадованно кивнул Пиппин. – Пою я хорошо. – Он немного смутился. – Так у нас говорили. Но наши песни не очень-то годятся для дворцовых покоев, да и для тяжелых времен тоже. Самое страшное, о чем поют в Шире, – это ветер или дождь, а так все больше о смешном, о пирушках, например.... – Тут он совсем смешался и умолк.

– Так почему бы не спеть об этом в моем дворце? – усмехнулся Денетор. – Над Гондором давно сгущается мрак, наоборот, приятно было бы услышать, что есть еще незатемненные земли. Нам бы тогда казалось, что труды наши не пропали даром.

Однако Пиппина эти слова не разуверили. Как-то не мог он представить себе незатейливые песенки Шира, звучащие в этом великолепном зале. Но Денетор уже обратился к Гэндальфу. Они заговорили о Рохане, о намерениях Теодена, о Йомере, племяннике Правителя. Пиппин только дивился, как много известно Денетору о тамошних делах, к тому же из разговора он понял, что Правитель много лет не покидал пределов Гондора. Он уж решил было, что о нем забыли, но тут Денетор обратился и к нему.

– Отправляйся в арсенал, – сказал он, – там приготовлена для тебя одежда и вооружение. Прими подобающий вид и возвращайся.

В арсенале Цитадели Пиппин облачился во все черное с серебром. Теперь на нем была черная кольчуга, черный же шлем с крыльями по бокам и серебряной звездочкой в налобье.

Кольчугу спереди прикрывал шитый серебром нагрудник с изображением цветущего дерева. Длинный широкий плащ дополнял одеяние. Прежнюю его одежду убрали, позволили оставить только серый лориенский плащ, но с условием не носить его на службе. Новый наряд был роскошен, но Пиппин стеснялся его. В довершение к этому ему так надоел постоянный сумрак, что настроение совсем испортилось.

А сумрак сгустился. С востока, из Страны Мрака, ветер пригнал тяжелую тучу. Она словно придавила Город. Воздух на улицах был душным и неподвижным, как вода в болоте. Вся долина Андуина замерла в ожидании бури.

Пиппин освободился только к вечеру. Желудок повлек его на поиски обеда. По счастью, в столовой он встретил Берегонда, только что вернувшегося с Пеленнорских полей. Они вместе поели и отправились на стены, туда, где проводили время вчера.

Был час заката, но солнце не могло пробить плотный заслон туч. Только в последний миг над Морем сверкнул его прощальный луч. Именно в этот миг Фродо стоял на Перекрестке над поверженной головой каменного Короля. Но на полях Пеленнора не было никакого проблеска. Холодными и темными оставались они.

Пиппину казалось, что вчерашний и сегодняшний день разделяют годы. Вчера он был еще простым беспечным хоббитом, на котором перенесенные опасности не оставили заметного следа, а сегодня... Сегодня он – воин в Городе, который готовится к жестокой битве. Он носит пышную, мрачную одежду; в другое время это была бы восхитительная игра, но теперь все было всерьез. Он, Пиппин, на службе у настоящего, гордого и могущественного правителя, и опасность, нависшая над Городом, – самая настоящая. Кольчуга, шлем, плащ – все казалось тяжелым, все угнетало. Он длинно вздохнул.

– Что, устал сегодня? – участливо спросил Берегонд.

– Устал, – согласился Пиппин. – Устанешь, когда ждешь и больше ничего. Я несколько часов простоял у дверей, пока у Денетора шел военный совет. Конечно, я понимаю, это высокая честь, да только что от нее пользы натошак... По правде сказать, и от еды в этом мраке пользы тоже не чувствуешь. И не туман, и не облака, сам воздух какой-то бурый. У вас так всегда при восточном ветре?

– Нет, – ответил Берегонд. – Это ведь не простой сумрак, это – чары Врага. Мрак рожден в недрах Огненной Горы. Он смущает ум и сердце. Хорошо бы Фарамир возвращался побыстрее. Его долго нет. Успел ли он пересечь Реку до прихода Тьмы?

– Да. Вот и Гэндальф тоже беспокоится, – заметил Пиппин. – Он сегодня ушел с совета очень недовольный. Похоже, ждет дурных вестей...

Вдруг оба они, и Берегонд, и Пиппин, разом задохнулись. Давешний ужас сковал их члены. Пиппин медленно, как во сне, согнулся, зажимая уши ладонями. Берегонд, как раз решивший взглянуть на равнину через бойницу, застыл с широко раскрытыми глазами. С неба налетел знакомый уже леденящий вопль. Только теперь он был намного сильнее, и слышалась в нем такая злоба, что сердце готово было разорваться от страха.

Берегонд с трудом пошевелил губами. Только со второго раза ему удалось выговорить:

– Смотри! Смотри же, там, внизу, на равнине, видишь?

Пиппин без всякой охоты взглянул.

Внизу лежал туманный Пеленнор. Хотя и неясно, но равнина была видна отсюда почти до самого Андуина. На полпути от берега к Городу что-то происходило. Огромные страшные тени, намного больше орла, но по виду напоминавшие коршунов, реяли там в воздухе. Полет их был быстр и грозен. Иногда они приближались к стенам на расстояние выстрела, взмывали вверх и камнем падали к земле.

Пиппин в ужасе прошептал:

– Черные Всадники! – и тут же закричал: – Назгулы в воздухе! Смотри, Берегонд, они охотятся на что-то! Посмотри, ведь это люди там, на равнине, люди на лошадях! Назгулы бросаются на них. Их там... четверо, нет, пятеро... Это ужасно! – воскликнул он в отчаянии и закричал: – Гэндальф! Гэндальф, помоги!

Из поднебесья хлестнул еще один вопль, а сквозь него, едва слышно, донесся звук рога, оборвавшийся на высокой протяжной ноте.

– Фарамир! – вскричал Берегонд. – Это его рог! Отважное сердце! Но как же он пробьется к Воротам? А вдруг у этих тварей есть что-нибудь еще кроме страха? Гляди! Держится. Пробиваются к Воротам. Нет! Лошади понесли. Вот, седоков сбросили, только один еще в седле. Он пытается собрать своих! Да, это Фарамир. Он умеет приказывать и коням и людям. Смотри! Эта тварь летит прямо на него! Да что же никто не поможет им?! – С этими словами воин сбежал со стены и бросился к Воротам.

Спрятавшийся было под каким-то выступом Пиппин устыдился и выглянул снова.

По равнине, навстречу четверым воинам, спешащим к Городу, быстро мчалась серебряная звезда. Вокруг нее разливалось слабое сияние. Она словно распарывала тьму, и та раздвигалась в стороны на ее пути.

– Гэндальф! – засмеялся и заплакал Пиппин. – Гэндальф! Ну конечно, где самое пекло, там и он. Вперед! – воскликнул он, словно на скачках размахивая руками. – Вперед!

Мрачные тени, реявшие в воздухе, тоже заметили мага. Одна из них рванулась к нему с высоты, но от поднятой руки Гэндальфа ей навстречу сверкнул ослепительно-белый тонкий луч. Тень отпрянула с жалобным криком. Это заставило остальных приостановиться в полете, а потом они все вместе рванулись на восток и исчезли в нависших тучах.

Над пеленнорской равниной чуть посветлело.

Оба всадника, маг и спасенный им, стоя рядом, поджидали пеших воинов. Навстречу им из Ворот выбежала целая толпа. Вместе с ней они вошли в Город. Пиппин заторопился к Цитадели, проталкиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдали со стен за происходившим.

Скоро впереди послышались крики. Там повторяли имена Фарамира и Митрандира. Замелькали факелы, и в окружении многих людей появились два всадника. Гэндальф больше не излучал серебряный свет. На лице его залегли суровые тени, а белая одежда помутнела, словно опаленная жаром. Его спутник в зеленом плаще с трудом держался в седле. Слуги приняли коней, всадники спешили и пошли к воротам Цитадели. Маг шагал твердо и слегка поддерживал Фарамира, пошатывавшегося на ходу от боли и усталости.

Пиппин, протиснувшись вперед, заглянул в лицо гондорцу и отшатнулся. Было похоже, что пережитый ужас навсегда наложил печать на эти гордые и прекрасные черты. В первый момент Пиппина поразило его сходство с братом, но, взглядевшись, хоббит вздрогнул – ему показалось, что перед ним Арагорн. То же величие, отблеск древней и мудрой расы, но не столь явный и высокий, как у Арагорна, озарял это лицо. Пиппин вспомнил, с какой преданностью говорил о своем начальнике Берегонд; Фарамир был прирожденный вождь, за которым любой пошел бы в огонь и в воду.

Пиппин закричал вместе с остальными:

– Фарамир! – и Фарамир, уловив среди других голосов незнакомый по тембру, отыскал его глазами. На лице воина отразилось огромное изумление. Он шагнул к Пиппину и спросил:

– Откуда вы? Полурослик – воин Цитадели?

Гэндальф слегка потянул его за рукав.

– Он приехал со мной. Не будем терять времени, нас ждут. А ты, любезный Перегрин, должен через час занять свое место при Правителе. Так что следуй за нами.

Через несколько минут они входили в покои Правителя. Слуги поставили три кресла вокруг жаровни с углями, принесли вино. Пиппин, стоя за креслом Денетора, забыл об уста-

лости, жадно слушая рассказ Фарамира. Гэндальф поначалу, казалось, задремал. Его не интересовали ни передвижения войск Врага, за которыми следил отряд Фарамира, ни стычка с харадримами, ни другие мелочи пограничной войны. Все это не имело значения в сравнении с событиями важнейшими.

– А теперь я должен рассказать кое-что странное, – сказал Фарамир и неожиданно посмотрел в глаза Пиппину. – Этот полурослик – не первый, которого я встречаю.

Гэндальф резко выпрямился, от его сонливости не осталось и следа. Длинные пальцы крепко оплели подлокотники кресла. Он не проронил ни звука, но бросил на Пиппина такой взгляд, что у того застрял в горле готовый сорваться возглас. Денетор же, напротив, не проявил к словам сына никакого интереса и задумчиво кивнул, словно знал обо всем наперед.

В полной тишине, изредка поглядывая на Гэндальфа и Пиппина, Фарамир рассказывал о встрече с Фродо и Сэмом в Хеннет Аннун. А Пиппин, холодея от страха, смотрел на руки мага, вцепившегося в резное дерево кресла. Они мелко дрожали. Гэндальф, Гэндальф Белый был встревожен, испуган даже!

Между тем Фарамир продолжал говорить о том, как он простился с путниками и об их решении идти к Кирит Унголу. Тут голос у него сорвался, он горестно вздохнул. Гэндальф не выдержал и вскочил.

– Кирит Унгол? – переспросил он. – Так это долина Моргула... Время, Фарамир, время! Когда ты расстался с ними? Когда они должны достичь этой проклятой долины?

– Я простился с ними два дня назад, – слегка удивленный, ответил Фарамир. – Оттуда по прямой до Моргулдуина лиг пятнадцать, значит, к крепости им не попасть раньше сегодняшнего дня. Я понимаю, чего ты боишься, Митрандир. Но темнота не связана с этими событиями. Мрак пришел позавчера, и уже прошлой ночью весь Итилиен был затемнен. Видно, Враг давно задумал наслать на нас Тьму, и час для этого был назначен задолго перед тем, как я расстался с ними.

Гэндальф, совершенно забывшись, широким шагом расхаживал взад и вперед.

– Позавчера утром, – бормотал он. – Три дня пути... Где ты с ними расстался?

– Отсюда до того места лиг двадцать пять по прямой, – прикинул Фарамир. – Но я еще заходил на остров Кеир Андрос. Наши кони оставались на том берегу. Когда пришел Мрак, я с тремя всадниками поскакал галопом к Городу, а остальных послал усилить охрану бродов в Осгилиате. – Он взглянул на отца. – Я правильно поступил?

– Ты спрашиваешь?! – неожиданно вскричал Денетор, сверкая глазами. – Зачем спрашивать? Ты командовал отрядом, а спрашиваешь меня? Тогда почему ты не спросил моего мнения о других твоих делах? Мои советы для тебя – ничто. Я же видел, как ты смотрел на Митрандира! Вот кто давно завладел твоим сердцем, вот от кого ты ждешь одобрения или нареканий своим поступкам! Да, я стар, но из ума еще не выжил. Слух и зрение еще не подводят меня, так что ты напрасно старался умолчать кое о чем. Мне ведомо и это. О, как не хватает мне Боромира сейчас!

– Но если тебе не нравятся мои действия, отец, – сдержанно отвечал Фарамир, – я хотел бы услышать, что в них не так? И почему ты не сказал мне, чего хочешь, перед моим уходом в разведку?

– Разве это что-нибудь изменило бы? – Денетор почти кричал. – Я знаю тебя, знаю, что ты всегда хотел быть благородным и великодушным, как древние короли. Но что хорошо для мира, не всегда годится для войны. А на войне за доброту можно поплатиться жизнью!

– Да будет так! – вскинув голову, твердо ответил Фарамир.

– Я знаю, – продолжал Денетор, – что ради своей совести ты пойдешь на смерть. Но речь не только о тебе, речь идет о жизни твоего отца и твоего народа. Ты должен думать о нем теперь, когда нет твоего брата.

– Значит, ты хотел бы видеть его на моем месте?

– Да, хотел бы. Он был верен мне, а не своему учителю-магу. Он не забыл бы о нуждах своего народа и его Правителя. И уж если судьба дала бы ему в руки могучий дар, он привез бы его мне.

Фарамир нахмурился.

– Отец, именно ты тогда убедил совет послать в Имладрис не меня, а брата. Он отправился в путь с поручением Правителя Гондора.

– Я не забыл, – скорбно произнес Денетор, – и от этой ошибки чаша моя еще горше. Если бы Оно попало ко мне! – воскликнул он, почти не владея собой.

– Полно, Правитель, – сказал Гэндальф. – Боромир погиб, и погиб доблестно, да почиет он в мире! Но не обольщайся, он не привез бы тебе того, о чем ты сетуешь. Он оставил бы Его себе, и по возвращении ты не узнал бы собственного сына.

Лицо Денетора стало холодным.

– Так, значит, Боромир оказался не настолько покорен твоей Воле? – вкрадчиво спросил он. – Так вот, он принес бы Его мне! Ты мудр, Митрандир, но твоя мудрость еще не все. И я говорю тебе: есть решение, свободное от глупой суеты и ухищрений чародеев.

– В чем же оно состоит? – осведомился Гэндальф.

– В том, чтобы избегать крайностей. Если нельзя Им воспользоваться, то уж вовсе глупо отправлять такое бесценное сокровище в лапы Врага, да еще поручать Его неразумному полуслику, как это сделал ты и вот этот мой сын. Это не мудрость, это безумие!

Гэндальф был само смирение. И голос его прозвучал почтительно и удрученно:

– Как же поступил бы на нашем месте могучий и мудрый Денетор?

– Прежде всего не стал бы делать глупости! – резко ответил Правитель. – Я никогда не поставил бы судьбы народов в зависимость от Этой Вещи. Нет. Я сохранил бы Его, надежно укрыв от любых глаз. И воспользовался бы Им только в самом крайнем случае для полной и окончательной победы, после которой уже не важно, что будет дальше.

– Но кроме Гондора есть другие люди, другие страны, другие времена, – осторожно заметил Гэндальф.

– Если Гондор падет, – отчеканил Денетор, – ничего другого не будет! Лежи Оно сейчас в подземельях Цитадели, мы не тряслись бы от страха в этом Мраке. Если ты думаешь, что это искушение не по мне, значит, плохо меня знаешь!

Гэндальф опять был самым собой: спокойным, насмешливым и уверенным.

– Нет, Денетор, я не доверяю тебе. А после твоих слов – и подавно. Если бы доверял, Оно давно хранилось бы в Гондоре, и множества забот удалось бы избежать. Нет, Правитель, я не доверяю и себе, поэтому мне пришлось отказаться от Него даже как от подарка. Твоей силы еще хватает, чтобы владеть собой, но будь Оно здесь, будь Оно даже погребено под все толщей Белых Гор, – Оно подчинило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда... тогда будущее наше было бы еще страшнее, чем сейчас.

Глаза Денетора пылали гневом, когда встретились со взглядом мага. Пиппин снова ощутил напряжение двух могучих волей. Казалось, что воздух между ними потрескивает и из него сыплются искры. Пиппин затрясся в ожидании смертельного удара, но Денетор, как и в первый раз, отвел глаза и взял себя в руки.

– Если бы, если бы... – проворчал он. – Слова! Что в них толку! Оно ушло во Мрак, и мы можем только ждать, и теперь уже недолго. А пока все враги одного Врага должны быть вместе. Надежда и твердость еще нужны нам, хотя бы для того, чтобы умереть достойно, когда надежды больше не будет. – Он повернулся к Фарамиру и как ни в чем не бывало спросил: – Что ты думаешь об обороне Оsgiлиата?

– Она слаба, – отвечал Фарамир. – Я послал туда отряд из Итилиена.

– Этого мало, – веско сказал Денетор. – Первый удар придется именно туда, и там нужен талантливый военачальник.

– Как и во всех других местах, – отозвался Фарамир и встал. Если бы он не ухватился за спинку кресла, то упал бы. – Разреши мне удалиться, отец.

– Да, я вижу, ты устал. Скакал долго и быстро, как я слышал, да еще злые тени с неба....

– Не будем говорить об этом, – сказал Фарамир.

– Хорошо, не будем, – согласился Денетор. – Иди отдыхай, пока можно. Но завтра тебе понадобится вся твоя сила.

Гэндальф и Пиппин с факелом в руке шли домой. Только когда за ними закрылись двери комнаты, Пиппин спросил:

– Как ты думаешь, надежда еще есть? Я про Фродо, ну, и про остальных тоже...

Гэндальф ласково погладил его по голове.

– Особенно большой надежды и раньше не было, разве только на чудо. А теперь еще Кирит Унгол... – Маг замолчал и, подойдя к окну, долго вглядывался в темноту. – Хотел бы я знать, почему именно туда? Откровенно говоря, Пиппин, когда я услышал про Кирит Унгол, сердце у меня упало. Но все-таки в том, что рассказал Фарамир, кроется какая-то надежда. Особенно, если Враг начал войну, когда Фродо был еще в пути. Теперь Око Врага будет шарить где угодно, но не в своих владениях, там ему нечего высматривать. Я даже отсюда чувствую, как он спешит. Ему пришлось начать раньше, чем он предполагал. Что-то поторопило его. Но что? – Он надолго задумался, а потом сказал с усмешкой: – Может быть, это было твое любопытство, несмышлениш. Смотри, пять дней назад был низложен Саруман, и нам достался его камень. Да, – возразил он сам себе, – но мы же не можем использовать Палантир...

Вдруг Гэндальф резко выпрямился и вскинул голову.

– Ах, вот оно что! Как же я сразу не подумал! Арагорн! Его срок приближается. Силы и твердости ему не занимать. Смел, решителен, может рискнуть, если надо. Да, конечно!

Пиппин во все глаза, ничего не понимая, смотрел, как необычайно оживленный Гэндальф шагает из угла в угол. А маг между тем продолжал:

– Арагорн смотрел в Палантир и показал себя Врагу. Он сделал это не случайно, ему нужно было... – Маг посмотрел на Пиппина, словно очнувшись. – Ладно, – он устало махнул рукой, – мы узнаем обо всем от Всадников Роухана. Если они не опоздают, – добавил он. – Тяжелые дни нам предстоят. Давай спать, Пиппин, пока можно.

– Но... – начал было Пиппин.

Глаза мага под густыми бровями сверкнули.

– Что «но»? – спросил он. – Хватит на сегодня. Давай спрашивай, но только один вопрос.

– Я про Горлума, – сказал Пиппин. – Почему они вместе, почему он ведет их? И почему и Фарамиру и тебе так не нравится место, куда он их ведет?

– Наверное не знаю, – покачал головой маг, – но я был уверен, что Фродо и Горлumu предстоит встретиться, чем бы их встреча ни кончилась. О крепости Кирит Унгол ты лучше молчи. Страшна не крепость, страшно предательство. А эта жалкая тварь словно создана для него. Правда, иногда бывает, что зло творит добро, само того не желая. Будь что будет. Доброй ночи, малыш!

Утро было хмурым и темным. Оживление, связанное с прибытием Фарамира, покинуло людей, и лица снова стали тревожными и подавленными.

Крылатых теней больше не видели, но из поднебесья снова и снова доносился их вой. Слышавшие его застывали в ужасе, а те, кто был послабее духом, тряслись и плакали.

Фарамир снова уходил. «Уж отдохнуть не дадут, – перешептывались люди. – Правитель слишком суров с сыном, тому достается теперь за двоих». Люди все чаще поглядывали на север – не покажутся ли Всадники Роухана.

Фарамир действительно уходил не по своей воле. Но Правитель Города еще и глава совета. В этот день у него не было настроения внимать остальным. Совет собрался ранним утром. Речь на нем шла об угрозе с юга. Сил для встречного боя не было. Оставалось ждать прихода Всадников, а пока их нет, еще раз проверить оборону стен.

– Но мы не должны оставлять внешние оборонительные линии, – сказал Денетор. – Раммас недешево обошелся нам, было бы только справедливо, чтобы и Враг дорого заплатил за переправу через Реку. На севере, у Кеир Андроса, болота, там ему не пройти, южнее Лебенина Андуин слишком широк, потребуется целый флот лодок. Если Враг решится переходить Реку, то только у Осгилиата. Так бывало и раньше, когда броды защищал Боромир.

Фарамир, глядя прямо в глаза отцу, ответил:

– Раньше – да. Но при таких огромных силах Враг может позволить себе потерять у переправы целое войско, а для нас недопустима потеря даже небольшого отряда... Если он все-таки перейдет Реку, защитникам Осгилиата уже не пробиться к Городу.

– Обороняя Осгилиат, надо удерживать и Кеир Андрос, – поддержал Фарамира Имрахиль. – Нельзя оставить без прикрытия левый фланг обороны. Рохирримы ведь могут и не прийти. А Фарамир доложил, что к Черным Воротам стягиваются огромные силы. Враг может ударить одновременно в разных местах.

– Войны без риска не бывает, – проворчал Денетор. – На Кеир Андросе хватит небольшого гарнизона. Но я не отдам без боя ни Пеленнор, ни Осгилиат, если только найдется кто-то, способный выполнить мою волю.

Фарамир встал.

– Боромира нет, отец. Если таков твой приказ, то вместо него пойду я.

– Да, это приказ, – подчеркнуто сухо ответил Денетор.

– Прощайте, – произнес Фарамир. – Если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше, отец.

– Это зависит от того, как ты вернешься, – резко сказал Денетор.

Последним, перед самым отъездом, с Фарамиром говорил Гэндальф.

– Береги себя, – посоветовал маг напоследок. – Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воин. А отец тебя любит, это я тебе говорю. И он еще вспомнит об этом. Ну, прощай!

Так и получилось, что Фарамир ушел с небольшим отрядом. Воины со стен тщетно пытались разглядеть, что происходит в развалинах Осгилиата. Другие, в ожидании Всадников Теодена, не отрывали взгляда от севера. Придут ли? Вспомнят ли старый союз?

– Придут! – успокаивал Гэндальф. – Придут обязательно, разве что немного запоздают. Теоден получил Красную Стрелу дня два назад, а путь от Эдораса неблизкий.

Уже под вечер со стороны Андуина примчался гонец. Нерадостные вести привез он. Из Минас Моргула выступило большое войско, оно приближается к Осгилиату. К нему примкнули отряды харадримов.

– Ведет войско Король-Призрак, – в глазах гонца бился страх. – Ужас переправился через Реку раньше, чем его войска.

Этимися словами закончился для Пиппина третий день пребывания в Городе. Мало кто спал в Минас Тирите в эту ночь. Надежда оставляла сердца. Люди понимали, что даже Фарамиру не удастся долго удерживать броды.

Следующий день начался хуже, чем кончился предыдущий. Гонцы сообщили, что войска Врага перешли Реку и Фарамир отступает к стенам Пеленнора перед силами, вдесятеро превосходящими его отряд.

– Враги идут по пятам, – сказал вестник, – они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы надеялись. У них были готовы плоты и лодки, и они шли, как туча. Но страшнее всего – Король-Призрак. При его приближении мало кто устоит. Даже собственные воины стонут под его рукой, но, выполняя приказ, готовы загрызть друг друга.

– Значит, пришло мое время, – сказал Гэндальф и тут же ускорился на восток. Пиппин всю ночь простоял на стене, кутаясь в плащ и не сводя глаз с темного горизонта.

Колокола едва начали вызванивать утро (хотя тьма оставалась такой же непроглядной), когда со стороны Пеленнора послышался глухой рокот и стали видны багровые вспышки. Тревожный сигнал трубы призвал воинов Города к оружию.

– Стена взята! – кричали где-то. – Они идут!

С горстью всадников появился Гэндальф. Он сопровождал целую вереницу повозок с ранеными. Маг сразу же поднялся к Денетору в верхнюю комнату Белой Башни. С Правителем был только Пиппин. Денетор всматривался сквозь тусклые окна то на север, то на юг, то на восток, как будто пытаясь проникнуть взором сквозь роковую тьму, окутавшую его Город. Но конечно, основное внимание Правителя было обращено на север; глаза не помогали, и он напрягал слух, словно благодаря какому-нибудь древнему искусству мог слышать топот копыт на дальних равнинах.

– Фарамир вернулся? – вместо приветствия спросил Денетор.

– Нет, – ответил маг, – но он жив. Во всяком случае, был жив, когда мы расстались. Он сдерживает людей, чтобы отступление не превратилось в бегство. Это не просто, потому что пришел тот, кого я боялся.

– Враг? – вскричал Пиппин, забывший от страха свое место.

Денетор громко рассмеялся:

– Нет еще, добрый Перегрин. Враг появится только в миг последней победы. До тех пор он воюет руками других. Так делают все великие правители, если они мудры. Вот и я сижу в своей башне, думаю, наблюдаю и не щажу даже своих сыновей, хотя сила еще не покинула Правителя Гондора.

Он выпрямился, откинув черный плащ – под ним была кольчуга, опоясанная длинным мечом в черных с серебром ножнах.

– Долгие годы не снимаю я боевой одежды даже во сне, – промолвил он. – Нельзя позволять телу разнеживаться.

– Однако самый грозный вождь из тех, что служит Черной Крепости, уже взял ваши дальние укрепления, – сказал Гэндальф, внимательно глядя на Денетора. – Это бывший король Ангмара, великий чародей, ныне – предводитель назгулов и меч ужаса в руке Саурона.

– Вот достойный противник для тебя, Митрандир, – слабо усмехнулся Денетор. – Я давно знал, кто ведет войска. И это все, что ты принес оттуда? – насмешливо спросил он.

Пиппину стало страшно. Он никогда не видел Гэндальфа в гневе, и ему казалось, что момент для этого настал. Но он ошибся. Голос мага звучал так же ровно.

– Еще не время испытывать нашу силу, – говорил Гэндальф. – Если правдиво старинное предсказание, то этот вождь найдет гибель не от руки воина. Даже мудрейший из Мудрых не знает, что его ждет. Впрочем, этот верховный назгул пока не рвется вперед. Видно, и он владеет мудростью, о которой ты только что говорил. А теперь к делу. Я прибыл с ранеными, которых еще можно исцелить. Стены Пеленнора разбиты, к ним подходят полчища Мордора. Но я прибыл не за тем. В полях скоро грянет битва. Я хотел предложить тебе использовать Всадников. У Врага нет конницы, значит, можно надеяться хоть на короткий успех.

– У нас тоже не так много конных, – недовольно отозвался Денетор. – Рохирримы были бы сейчас очень кстати.

– Сначала появятся другие, – сказал Гэндальф. – Пал Кеир Андрос, беженцы оттуда стекаются к Городу. Из Мораннона вышло еще одно войско, оно переходит сейчас Реку на северо-востоке.

– Говорят, Митрандир, что тебе приятно приносить дурные вести. Но для меня и это – не новость. Я знаю то, что знаю. Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

Время шло. Дозорные со стен видели отступающие отряды. Маленькие группки усталых, зачастую раненых людей отступали в беспорядке; кое-кто просто бежал, словно спасаясь от преследования. Далеко на востоке появились огоньки, теперь они медленно расползались по равнине. Горели дома и амбары. Потом из разных мест ручейки красного пламени потекли сквозь мрак, направляясь к широкой дороге, ведущей от Ворот Города к Осгилиату.

– Враг идет, – глухо переговаривались люди, – стена пала. Вон они, лезут через бреши! И похоже, с факелами. Где же наши-то?

По времени был вечер, но в тусклом сумраке даже зоркие воины Цитадели не могли разглядеть, как обстоят дела на равнине. Пожарищ становилось все больше. Ручейки факелов сливались в реки. Между ними и Городом остался лишь один отряд. Он тоже отступал, но при этом сохранял порядок, воины держали строй и, кажется, даже не очень торопились. Дозорные затаили дыхание.

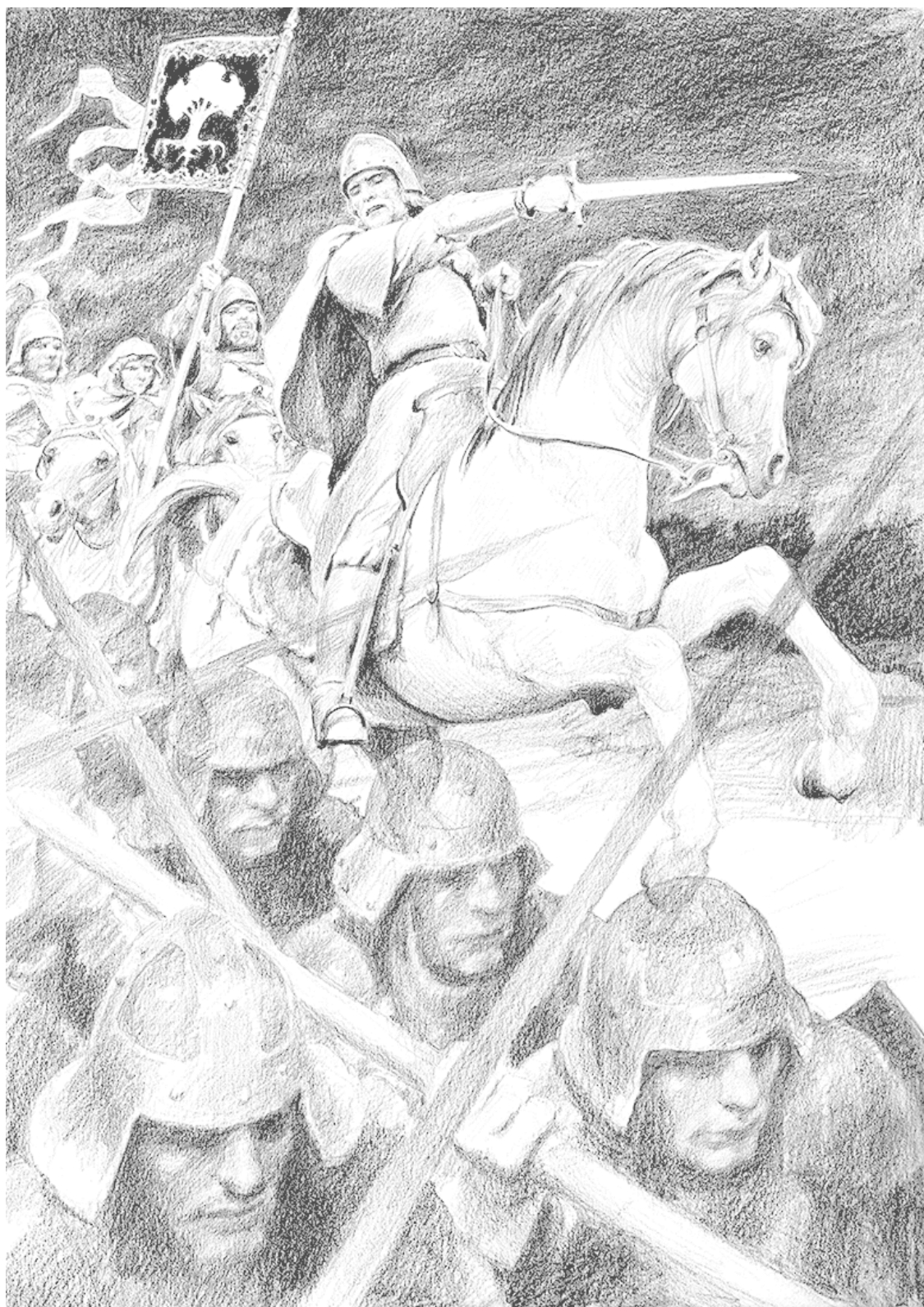
– Это, должно быть, Фарамир, – говорили они. – Он может приказывать и людям, и коням. Он еще пытается...

До Ворот оставалось не больше двух фарлонгов, когда отступавших нагнал арьергард, сдерживавший врага. Всего несколько всадников! Вот они снова развернулись, встречая преследователей. Перед ними волновалось настоящее огненное море! Ряд за рядом шли орки с факелами, оглушительно орали дикие южане, размахивавшие красными знаменами. Враги вот-вот могли отрезать и окружить отступавших гондорцев, и в довершение ко всему, с темного неба с душераздирающими воплями обрушились крылатые назгулы.

Организованное отступление сменилось паническим бегством. Люди бросали оружие, крича от страха. Но в этот момент со стен Цитадели запела труба, и вылетевший из Ворот отряд всадников с громким кличем атаковал врагов. Со стен им ответил другой клич, а потом – радостные крики. В бой вступили рыцари Дол Амрота, предводительствуемые Имрахилем. Но впереди всех стремительно летел белый сияющий всадник. Луч ослепительного света порой вырывался из его воздетой руки.

Назгулы с воплями, похожими на обиженное карканье, взмыли вверх и улетели. Их предводитель не спешил вступать в открытый бой. Захваченное врасплох войско Моргула не выдержало натиска и обратилось в бегство. Преследователи стали преследуемыми. Рыцари рубили и кололи с ожесточением, и скоро поле покрылось трупами орков и людей, а факелы шипели и гасли в крови.

Но Денетор не позволил им зайти далеко. Хоть враг и был отброшен, но с востока подходили новые полчища. Снова запела труба. Всадники Дол Амрота остановились и перестроились, прикрывая отступавшие отряды. Так, в боевом порядке, они и вошли в Город. Люди приветствовали их, но крики сами собой стихли, когда все увидели, что от отряда Фарамира осталась едва одна треть. Самого его не было видно.

Вслед за Всадниками ехал Имрахиль. Он прижимал к груди безжизненное тело своего родича Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

– Фарамир! Фарамир! – горестно восклицали люди, но он не отвечал, и его несли все выше по извилистой дороге, в Цитадель, к отцу. В тот миг, когда назгул отвернул в сторону перед Белым Всадником, случайное копьё сразило Фарамира, сдерживавшего неистовых харадримов. Только удар рыцарей Дол Амрота спас его от мечей, готовых изрубить славного воина.

Имрахиль принес Фарамира в Белую Башню и положил к ногам Денетора.

– Ваш сын вернулся, Правитель, – негромко сказал он, – вернулся, покрыв себя славой.

Денетор встал и долго всматривался в бледное лицо, обрамленное мягкими кудрями. Потом он приказал устроить ложе здесь же и уложить на него Фарамира, а сам поднялся в верхнюю комнату Башни. Многие видели, что в эту ночь в окнах ее долго мелькали бледные огни, потом погасли. Когда Денетор спустился и сел у изголовья ложа, лицо его было столь же мертвенно бледным, как у раненого.

Вокруг Города сомкнулось кольцо осады. Раммас был разрушен, и весь Пеленнор захвачен врагом. Последними в Город вошли уцелевшие воины северного гарнизона, охранявшие перевалы на анориенской дороге. Привел их Ингольд, тот самый, который говорил с Гэндальфом и Пиппином всего пять дней назад – когда еще светило солнце, а утро дарило надежду.

– Рохирримов все нет, – сказал он, – и теперь уже, наверное, не будет. Если они и придут, нам это вряд ли поможет. Их опередит другое войско. Говорят, оно уже переправляется через реку возле Андроса. Там тьма мордорских орков и бесчисленные рати людей. Таких мы еще не видели. Они коренастые, бородатые, как гномы, и с топорами. Наверное, это восточные дикари. Они захватили северную дорогу и вошли в Анориен. Теперь рохирримам не пройти.

Ворота были закрыты. Всю ночь караульные на стенах слушали гул вражеских толп, бурлящих снаружи, видели горящие поля и деревни. В темноте не понять было, сколько врагов перешли Реку, но поутру, когда мрак немного посерел, подтвердились самые худшие опасения. Равнина была черна от марширующих отрядов, и повсюду, как поганые грибы, вырастали черные и багровые шатры.

Орки, словно муравьи, суетливо рыли щели, огромным кольцом окружая Город на расстоянии полета стрелы. Готовые щели немедленно заполнялись текучим огнем – питался он не иначе, как вражьи колдовскими кознями. Воины на стенах могли только бессильно наблюдать за этими зловещими приготовлениями. Как только отрывалась очередная щель, возле нее устанавливали катапульту. Защитники ничем не могли помешать этой работе. Поначалу в Минас Тирите орочью суету не принимали всерьез. Стены Города вздымались на огромную высоту. Их возводили в давние времена, до того, как угасло древнее мастерство нуменорцев. Со стороны равнины стены были неуязвимы ни для железа, ни для огня. Казалось, они будут стоять, пока цела земля, держащая их.

– Да нет, – успокаивали себя люди, – даже Неназываемому не войти в Город, пока мы живы, – и тут же спрашивали себя: – а сколько мы еще продержимся? Ведь у него есть оружие, перед которым от начала мира пало много крепостей. Это оружие – голод. Дороги перекрыты. Рохан не сможет нам помочь.

Но катапульты и не пытались сокрушить непобедимые стены. План нападения на Город разрабатывал не какой-нибудь орк или дикарь с востока. Над ним потрудились мощный и злобный разум. С громкими воплями, под протяжный скрип блоков, орки стали посылать снаряды непривычно высоко в небо. Снаряды падали в нижних ярусах Города. Многие взрывались, и из них во все стороны летел огонь. Начались пожары. Но не огонь был самым страшным. Следом из катапульт полетели головы воинов, павших у Огилиата и у стен Пеленнора. Все они были заклеены нечистым знаком Ока, многие изуродованы, лица искажены предсмертными муками. Город наполнился плачем. Люди проклинали гнусных врагов, тщетно сжимая кулаки.

Но осаждавшие были глухи к проклятиям, они не знали даже Всеобщего языка, обходясь своим грубым, не то лающим, не то каркающим наречием.

А у Темного Властелина было и еще более страшное, а главное, более действенное оружие, чем голод, – отчаяние. Над осажденной крепостью снова закружились назгулы. Их вопли

заставляли самых отважных падать наземь. Если же кому удавалось устоять, то руки их не держали оружие, мысли путались, и желали они только бегства и смерти.

Весь этот страшный день Фарамир лежал в тех покоях Белой Башни, куда его принесли. Он весь горел, бредил, и видно было, что жить ему осталось недолго. Денетор молча сидел рядом и смотрел на сына, словно никакой осады не было и Городу не угрожала смертельная опасность.

Даже в плену у орков Пиппину не приходилось так круто. Правитель не отпускал его, и Пиппин, подавляя страх, видел, как час за часом менялось, старея, лицо Денетора. Что-то сломило его гордую волю, и Пиппин не мог сказать, что терзает его сильнее: скорбь или раскаяние.

Когда на глазах Денетора выступили слезы, Пиппин не выдержал.

– Не плачьте, повелитель, – прошептал он, запинаясь. – Может быть, он еще поднимется. Надо посоветоваться с Гэндальфом.

– Я не хочу больше слышать о колдунах, – мрачно ответил Денетор. – Наша безумная надежда обманула нас, она попала к Врагу и умножила его силу. Ему ведомы наши помыслы; что бы мы ни предпринимали, все оборачивается против нас. Посмотри, вот я послал сына без слов прощания, без напутствия навстречу гибели, и вот он передо мной. С ним угасает мой род. Как бы ни закончилась война, кровь Денетора иссякла, и это конец всему.

В это время из-за дверей послышались голоса, звавшие Правителя. Денетор встал и громко сказал:

– Оставьте меня. Я должен быть здесь, рядом с сыном. Может, перед смертью он скажет что-нибудь. Пусть обороной руководит кто-нибудь другой. Хотя бы этот Серый Безумец с его безумной надеждой. Я останусь здесь.

Так во главе защитников Города встал Гэндальф. Там, где он появлялся, к людям возвращалась надежда, страх перед крылатыми тенями исчезал. Он появлялся и у Цитадели, и у Ворот, и на стенах. Его повсюду сопровождал Имрахиль в сверкающей кольчуге. Видя рыцарей Дол Амрота, люди говорили: «Да, старые истории похожи на правду; в жилах этого народа течет эльфийская кровь, ведь здесь жили когда-то родичи Нимродели». И кто-нибудь принимался напевать строфы из баллады о Нимродель или из другой песни давно ушедших лет.

Но едва проходили рыцари, как тени снова смыкались над людьми, сердца холодели, и доблесть Гондора обращалась в дым. Город медленно тонул во тьме подступающего ночного отчаяния. Пожары теперь бесновались, никем не сдерживаемые, в первом круге уже никто не тушил огонь. Кое-где воины на внешней стене оказались отрезанными от подкреплений. Немногие на постах остались верны присяге, большинство укрылось за вторыми воротами.

Захватив равнину, Враг быстро навел мосты через Реку, весь день по ним переправлялись войска, а в середине ночи начался штурм. Орды нападающих миновали заполненные огнем щели по специально оставленным перемычкам и быстро двинулись вперед, не обращая внимания на редкие стрелы со стен. Для знаменитых гондорских лучников вполне доставало света, да и в целях недостатка не ощущалось. Но стрелков явно не хватало, чтобы нанести врагу серьезный урон. И тогда, решив, что доблесть защитников Города уже сломлена, по незримому знаку вперед медленно двинулись огромные осадные башни, спешно построенные в Оспиате.

К дверям Правителя снова пришли гонцы. Они были так настойчивы, что Пиппину пришлось впустить их. Денетор молча повернулся к ним.

Один из воинов выступил вперед и сказал:

– Мы ждем ваших приказаний, Правитель. Нижний ярус Города в огне. Люди покидают стены, не все хотят повиноваться Митрандиру.

– Каких приказаний вы ждете от меня? – медленно проговорил Денетор. – Не все ли равно, где сгореть? Возвращайтесь в свой костер, а у меня впереди – свой. У Денетора и его сына не будет могил, их заменит огонь. Так было до того, как с Запада пришел первый корабль, так будет и теперь, когда Запад гибнет. Возвращайтесь в костер!

Воины вышли без поклона и нахмурившись.

Денетор отпустил руку Фарамира, встал и долго смотрел на сына. Пиппин с трудом разобрал его слова:

– Он горит! Он уже горит! Рушится дом его души!

Потом он подошел к хоббиту и, положив руку на плечо, взглянул в глаза.

– Прощай! – произнес он размеренно. – Прощай, Перегрин, сын Паладина. Недолго служил ты мне, сегодня твоя служба кончилась. Ступай и умри как хочешь. Можешь идти к своему неразумному приятелю, это он привел тебя к гибели. Пришли сюда моих слуг. Прощай!

Пиппин склонил колено.

– А я не прощаюсь с вами, повелитель! – дерзко сказал он, потом вскочил на ноги и посмотрел прямо в глаза Денетору. – Вы правы, мне нужно повидать Гэндальфа. Напрасно вы считаете его неразумным. Разума ему хватит на весь этот Город и еще останется. И пока он не потерял надежды, я тоже не буду думать о смерти. Хотя вы и освобождаете меня от службы, я-то не хочу быть свободным от своей клятвы. Если врагам суждено ворваться в Цитадель, я надеюсь быть рядом с вами до конца и заслужить оружие, полученное из ваших рук.

В начале его слов в глазах Денетора мелькнуло легкое удивление, но тут же погасло и сменилось усталым равнодушием.

– Поступай как хочешь, Перегрин, – тихо ответил он. – Моя жизнь окончена. Иди теперь и позови слуг, – он слабо махнул рукой и снова сел у ложа Фарамира.

В покои вошли шестеро рослых слуг. Денетор удивил их, кротким голосом попросив укрыть Фарамира и поднять его вместе с ложем. Они безмолвно повиновались и, стараясь как можно меньше беспокоить метавшегося в бреду больного, осторожно понесли его. Тяжко опираясь на посох, сильно сутулясь, вышел за ними Денетор. Последним пристроился Пиппин.

Медленно, как на похоронах, они покинули Белую Башню и окунулись во мрак, озаряемый багровыми отсветами пожаров; медленно пересекли двор и постояли перед засохшим деревом. Тихо было здесь. Едва доносились со стен звуки сражения, да печально капала вода с засохших ветвей в темное озерко. Скорбная процессия миновала ворота Цитадели и, провожаемая изумленными и испуганными взглядами часовых, повернула на запад. В стене шестого яруса темнела запертая дверь. Ее открывали только во время погребений. Никто, кроме Правителя и служителей Дома Мертвых, не пользовался ею. От двери неширокая дорога вела к усыпальницам Королей и Правителей Гондора. От Города скорбное место отделялось ущельем.

Из маленького домика у дороги навстречу им выбежал напуганный служитель с фонарем. Денетор приказал отпереть дверь, и она бесшумно распахнулась. Теперь процессия поднималась по дороге между древних стен. В мечущемся свете фонаря из мрака выступали ряды колонн. Медленные шаги слуг гулко отдавались под сводами. Улица-туннель, где стены сплошь покрывали барельефы давно умерших людей, привела к Дому Предков, и здесь слуги опустили свой груз.

Пиппин с беспокойством осматривал просторный сводчатый зал. Слабый свет фонаря не достигал стен, освещая лишь ряды невысоких мраморных постаментов. На каждом из них покоилась фигура со сложенными на груди руками. Ближайший ко входу постамент был пуст. На него по знаку Правителя слуги опустили Фарамира. Денетор лег рядом с сыном. Слуги накрыли их одним покрывалом и склонили головы, как перед смертным ложем.

– Здесь мы будем ждать, – тихо прошепел голос Правителя. – Бальзамирования не будет. Вот мой последний приказ: принесите побольше сухих дров и сложите вокруг. Это все. Прощайте.

Пиппин не мог больше выносить этого ужасного зрелища и выбежал из обители смерти.

– Бедный Фарамир! – твердил он. – Его лечить нужно, а не оплакивать. Бедный Фарамир! – Внезапно он остановился и хлопнул себя по лбу. – Нечего причитать! – прикрикнул он сам на себя. – Надо найти Гэндальфа.

Пиппин обернулся к слугам, закрывавшим двери.

– Слушайте, – торопливо сказал он, – не спешите выполнять приказы Правителя. Он не в себе. Пока Фарамир жив, не делайте ничего. Подождите Гэндальфа.

– Разве в Минас Тирите приказывает не Правитель Денетор, а Серый Странник? – угрюмо спросил старший из слуг.

– Или Серый Странник, или никто! – отрезал Пиппин и помчался в Город, назад, вверх по извилистой дороге, мимо изумленного привратника, через дверь и дальше, к воротам Цитадели.

– Куда спешишь, любезный Перегрин? – окликнул его страж, и Пиппин скорее по голосу узнал Берегонда.

– Митрандира ищу, – ответил хоббит.

– Раз Правитель послал, дело срочное, – уважительно произнес Берегонд, – но ты все-таки скажи мне быстренько: что происходит? Я недавно заступил, а мне говорят: Правитель отправился к Запертой Двери, а перед ним несли Фарамира.

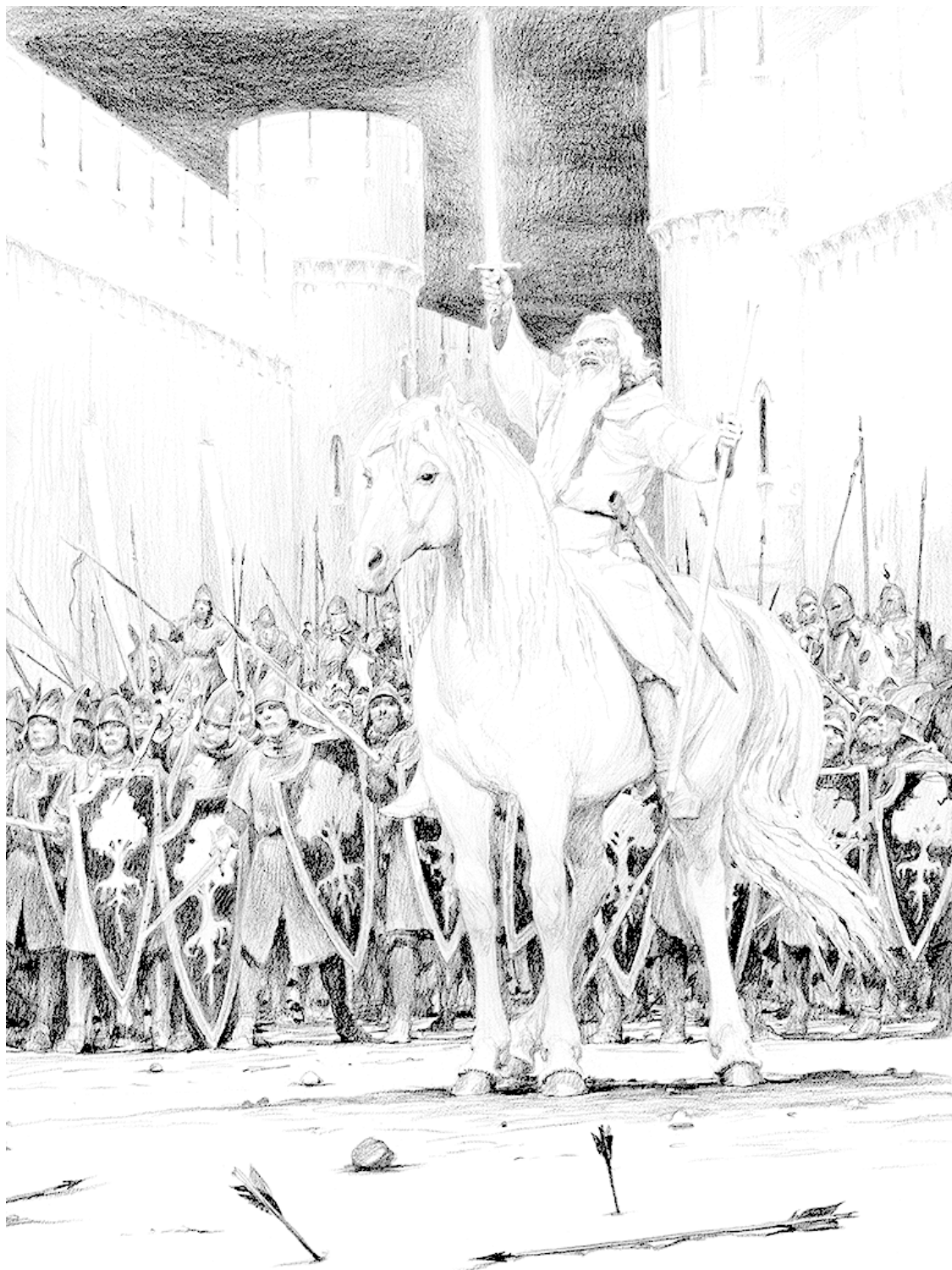
– Несли, – подтвердил Пиппин, – к Дому Предков.

Берегонд низко опустил голову, скрывая слезы.

– Говорили, что он умирает, – пробормотал воин, – а он уже умер...

– Да нет, – с досадой воскликнул Пиппин, – он жив и его можно спасти. Но ваш Правитель пал раньше своего города. Он лишился рассудка, понимаешь? – и хоббит вкратце рассказал о странных словах и поступках Денетора. – Вот мне и нужен Гэндальф. Как найти его?

– Он там, на стенах. Ищи его в самой гуще.

– Ладно. Я сейчас побегу за ним, но прошу тебя, Берегонд, останови Правителя, если можешь. Иначе он убьет Фарамира.

– Но я не могу покинуть пост без приказа, – растерялся Берегонд.

Пиппин чуть не плюнул с досады.

– Выбирай: или приказ, или жизнь Фарамира! Я же сказал: Правитель сошел с ума! Я уйду, мне некогда. Если смогу, вернусь. – И он побежал к Воротам.

Встречные, увидев его плащ воина Цитадели, окликали его, чтобы расспросить о здоровье Фарамира, но он, не отвечая, пробежал мимо. Вот уже стали видны языки пламени, пылавшего за Воротами. Но Пиппина поразила тишина. Все словно замерло. В этой тишине вдруг послышался ужасный вопль, и вслед за ним – тяжелый глухой удар. От страха и неожиданности у Пиппина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол и тут остановился как вкопанный. Перед ним лежала привратная площадь. Гэндальф был здесь, но вместо того, чтобы окликнуть его, Пиппин молча отступил и притаился в тени.

Штурм Города продолжался. Гремели барабаны. Из темноты появлялась орда за ордой. Все больше врагов скапливалось под стенами. Огромные звери, словно движущиеся дома в красном неровном свете, – мумаки из Харада – волокли среди огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Но тот, кто направлял их, похоже, не очень интересовался ходом сражения или счетом потерь. Первый натиск должен был испытать крепость обороны в разных местах и растянуть защитников по стенам. Главный удар предназначался Воротам. Окованные сталью, охраняемые неприступными башнями и бастионами, они казались незыблемыми, и все же именно здесь находилось слабейшее место.

Вот барабаны загрохотали громче. Взметнулись языки огня во рвах. Из темноты выползло диковинное устройство. Мощными цепями к нему был подвешен огромный таран, размером со стофутовое дерево. Долго ковался он в кузницах Мордора. Передний торец из вороненой стали в форме головы скалящегося волка был заговорен рушительными чарами. В память о Молоте Преисподней стародавних времен, таран назывался Гронд. Его волокло целое стадо мумаков, вокруг сновали орки, а позади шагали горные тролли.

Но к Воротам подойти было непросто. Их обороняли рыцари Дол Амрота и лучшие воины Города. Там воздух свистел от стрел и копий, осадные башни рушились или внезапно вспыхивали, землю покрывали обломки вперемешку с трупами дикарей и орков. А неслышимые приказы гнали к Воротам все новые и новые орды.

Гронд полз вперед. Огонь не брал его. То один, то другой из мумаков, обезумев от боли, причиняемой стрелами, начинал метаться, давя суетившихся вокруг орков, но на место затоптанных тут же вставали другие.

Гронд полз вперед. Дико гремели барабаны, и вот на поле боя показалась новая ужасная фигура: высокий всадник в черном, с капюшоном, надвинутым на лицо. Медленно ехал он прямо по трупам, не обращая внимания на стрелы. Вот он остановился, и над головой его тускло блеснул длинный меч. Волна ужаса накрыла и нападавших, и защитников. Руки людей безвольно опустились. На миг все стихло. Снова грохнули барабаны. Гронд рывком двинулся. Огромные руки троллей качнули его, и на Ворота обрушился первый удар. Казалось, содрогнулся весь Город, но дерево и сталь выдержали.

Черный Предводитель привстал на стременах, и над равниной троекратно прозвучало древнее заклинание. Ни камни, ни люди не в силах были противостоять ему. Трижды ударил в Ворота таран; пространство между землей и небом пронизала молния, и с третьим ударом Ворота рухнули грудой обломков.

Король-Призрак двинулся вперед – бескрайняя черная злоба среди зажженного им пожара. Король-Призрак миновал арку ворот и вошел в город, никогда не видевший врага за своими стенами, и все живое бежало от него.

Посреди площади Короля-Призрака ждал Гэндальф. Сполох под ним был похож на мраморное изваяние.

– Тебе не дано войти сюда, – сказал Гэндальф, и неторопливо ехавший Черный Всадник остановился. – Возвращайся в бездну, откуда пришел. У тебя и твоего хозяина нет будущего в этом мире. Уходи!

Черный Всадник откинул капюшон плаща. Багровые отсветы заиграли на его стальной короне. Но корона венчала пустоту! Невидимый рот разразился мертвым смехом.

– Старый глупец! – раздался вслед за тем низкий голос. – Это *мой* час! Ты не узнаешь смерть, даже когда она перед тобой. Ты умрешь напрасно! – Всадник взмахнул мечом; по лезвию клинка струились волны холодного пламени.

Однако Гэндальф не шевельнулся. В этот самый миг где-то далеко, в центре Города, звонким и ясным голосом запел петух. Для него не существовало ни войны, ни древней магии; он чувствовал там, высоко в небесах, утро, встающее над тенью смерти.

Крик его не успел замереть в воздухе, как издали ему стройно и грозно отозвались боевые рога, и темные склоны Миндоллуина эхом отразили их звуки. Рохан все-таки пришел.

Глава V

Поход Теодена

Мерри лежал, завернувшись в одеяло, и тщетно вглядывался в темноту. Ночь была тихой, безветренной, только деревья чуть слышно вздыхали вокруг. Он поднял голову и снова услышал настороживший его звук. Где-то вдали глухо били барабаны. Замолкая в одном месте, удары тут же возникали в другом. Интересно, слышат ли их часовые?

Невидимые в темноте, расположились на отдых войска рохирримов. Пахло лошадьми. Мерри слышал, как они пофыркивают и мягко переступают копытами по усыпанной хвоей земле. На ночь Теоден остановился в глухом сосновом бору у подножия сигнального холма Эленах, поднимавшегося высоко над вершинами Друаданского Леса.

От усталости Мерри не мог заснуть. Шли пятые сутки похода. Мрак, становившийся все плотнее, приводил воинов в уныние. Мерри уже не понимал, зачем так рвался в этот поход, ведь ясный приказ короля позволял ему остаться. Хоббит уже не раз принимался гадать, знает ли король о его самоуправстве. А если знает, то что думает? Наверное, Дернхельм как-то договорился с Эльфхельмом, командиром их «йореда» (так Всадники называли отряды). Во всяком случае, воины старались не замечать лишнего новобранца. С ним никто не заговаривал, а если смотрели, то как на лишнюю переметную суму за спиной Дернхельма. Да и сам молодой Всадник за всю дорогу не проронил ни слова. Тут поневоле начнешь ощущать себя никому не нужной обузой.

Войска Теодена все ближе подходили к опасным местам. До внешних укреплений Минас Тирита оставалось меньше дня пути. Разведчики, которым удалось вернуться, доложили, что дорога впереди захвачена врагом. В трех милях западнее Амон Дина стоит целая орда, а большой отряд орков идет навстречу. Они уже в трех-четырех лигах от Друаданского Леса.

Король и Йомер собрали ночной совет. Мерри с удовольствием перемолвился бы словом хоть с кем-нибудь. Он вспомнил Пиппина и еще больше расстроился. Любезный друг Пиппин, тоже один, брошен где-то там, в каменном городе, на произвол судьбы... Мерри отчаянно захотелось стать большим и сильным Всадником, таким как Йомер, например, чтобы трубить в рог и, не разбирая дороги, мчаться кому-нибудь на выручку. Он снова прислушался. Барабаны били теперь намного ближе. Внезапно послышались негромкие голоса, и меж деревьев замелькали затененные фонари. Мерри встревоженно привстал, и в ту же секунду об него споткнулись. Голос Эльфхельма проклял древесные корни. Это было уже слишком!

– Я не корень, – всхлипнул Мерри. – Я – хоббит Мериадок. Что случилось?

– Да в такой тьме все может случиться, – отозвался Эльфхельм. – Приготовься, мы ждем приказа выступить немедленно.

– Враги? – ахнул Мерри. – Я слышал барабаны...

– Враги не решатся покинуть дорогу, а барабаны – это речь лесных людей из Леса Друадан. Их немного, они осторожны, а прятаться умеют, как никто. Стрелки хоть куда, стреляют отравленными стрелами. Я рад, что они нам не враги, хотя и союзниками никому никогда не были. Но они боятся пришедшей тьмы и сейчас предложили правителю союз и помощь. Они вон там, где фонари, – он махнул рукой и исчез.

Сообщение о Лесных Людях с отравленными стрелами отнюдь не обрадовало Мерри. Наоборот, прежние страхи лишь усилились. Дальше ждать в неведении было невыносимо, поэтому он вскочил и направился вслед за мелькавшими между деревьями фонарями. Шел он осторожно, по-хоббитски, и вскоре достиг поляны.

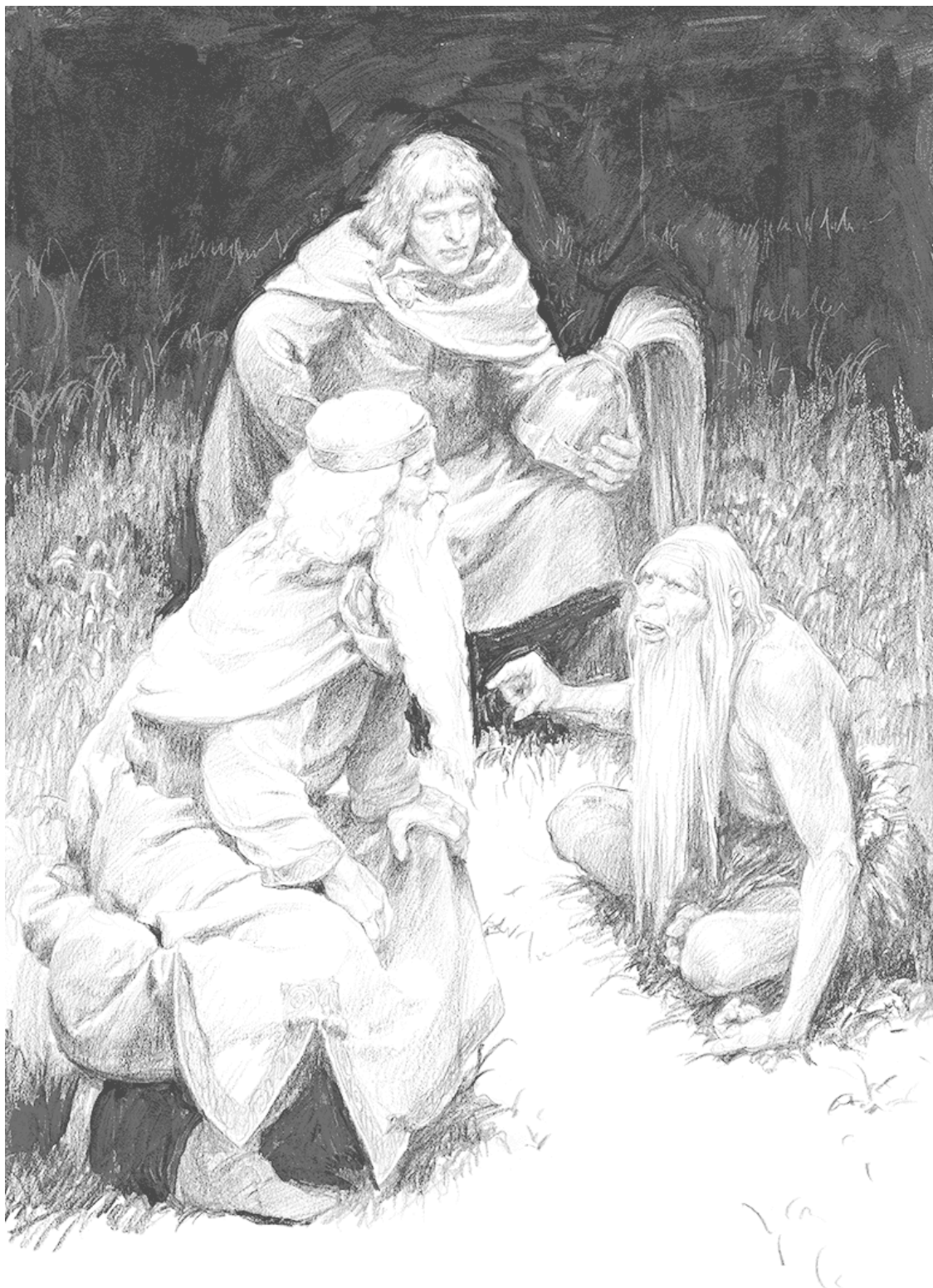
На ветке большого дерева висел фонарь. Под ним было посветлее. Мерри увидел сидящих рядом Правителя и Йомера, а перед ними – странное существо, больше всего походившее

на корявый пенё. Короткие узловатые руки и ноги, клочковатая борода, а может, просто сухой мох, травяная юбка. Чем-то его вид показался Мерри знакомым, и вдруг ему припомнились идолы из Дунхарга. Было в лесном человеке что-то от оживших древних изваяний. Вполне возможно, что он приходился потомком тем, кого изобразили безвестные мастера на каменной дороге. Этот лешак говорил низким гортанным голосом, но, к изумлению Мерри, говорил на Всеобщем языке, хоть и с трудом подбирая слова и временами сбиваясь на родное наречие.

– Нет, Отец Конных Людей, – объяснял он Теодену, – мы не воюем. Мы только охотимся. Убиваем горганов в лесах, ненавидим орочий народ. Вам они тоже враги, и мы вам поможем. У Людей Леса длинные уши, а глаза видят далеко. Мы знаем здесь все тропы. Это наша земля. Она была нашей еще до Каменных Домов, еще до прихода из-за Вод Высоких Людей.

– Но нам нужна помощь в бою, – настаивал Йомер. – Чем вы можете помочь?

– Принесем вести, – быстро сказал дикарь. – Мы глядим с холмов. Каменный Город закрыт. Там снаружи пожары, а теперь и внутри. Вы хотите туда попасть? Тогда вам надо спешить. Но горганы и люди издалека, – он махнул короткой узловатой рукой на восток, – ждут на конной дороге. Очень много их, больше, чем Конных Людей.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Йомер. Плоское лицо и темные глаза старика остались бесстрастными, но в голосе прозвучала обида.

– Я назвал мой народ Лесными Людьми, а не детьми. Я – великий вождь Гхан-бури-Гхан. Я могу сосчитать звезды в небе, листья на деревьях, людей в темноте. У вас – двадцать двадцаток, считанных десять раз и еще пять. У них больше. И еще много бродит вокруг стен Каменного Города.

– Он говорит истинную правду, – вздохнул Теоден. – Наши разведчики видели рвы на дороге и воткнутые колья. Такое препятствие не одолеешь с налету.

– Но мы же должны спешить! – воскликнул Йомер. – Город горит!

– Выслушайте Гхан-бури-Гхана, – напомнил о себе дикарь. – Он знает не одну дорогу. Он проведет вас там, где нет никаких ям, где не ходят горганы – только Лесной Народ и звери. Много дорог проложил здесь некогда Народ Каменных Домов. Они резали холмы, как охотник режет дичь. Лесной Народ думал, что они едят камень. Они ходили через Друадан к Риммону с огромными повозками. Они не ходят больше. Дорога забыта, но Лесной Народ помнит. Там, за холмом, под травой и деревьями, она идет от Риммона вниз, к Дину, а потом к старой конной дороге. Лесные Люди покажут. Вы убьете горганов и разгоните плохую тьму ярким железом, и Лесные Люди смогут спокойно спать в своих лесах.

Король посоветовался с Йомером и обратился к дикарю:

– Мы принимаем твое предложение. Правда, у нас за спиной останется вражья рать, но если падет Каменный Город, нам незачем возвращаться. А если Минас Тирит выстоит, орки сами окажутся отрезанными. Если ты верен нам, Гхан-бури-Гхан, мы щедро вознаградим тебя и заключим союз на вечные времена.

– Мертвые не дружат с живыми и не подносят им даров, – сказал дикарь. – Если ты переживешь Тьму, оставь Лесных Людей в покое в их лесах и больше не трави, как зверей. Гхан-бури-Гхан сам пойдет с Отцом Конных Людей. Ты убьешь его, если попадешь в ловушку.

– Быть по сему! – решил Теоден.

– Сколько времени мы потратим на обход? – спросил Йомер. – Дорога, наверное, узкая, верхом не пройдешь?

– Лесной Народ ходит быстро, – ответил Гхан, – а там, в долине, по дороге пройдут четыре лошади в ряд, она только в начале и в конце узкая. Лесные Люди добираются отсюда до Дина между восходом и полуднем.

– Семь часов... – задумчиво промолвил Йомер, – это для передовых отрядов, и часов десять для остальных. Когда войска растянутся цепью, ими трудно управлять. Мало ли что может случиться... Который час?

– Кто знает? – ответил Теоден. – Теперь есть только ночь.

– Когда темно, не всегда ночь, – поправил Гхан. – Лесные Люди чувствуют солнце даже во мраке. Оно уже поднялось над восточными горами. В небесных полях начинается день.

– Тогда надо выступать немедленно! – воскликнул Йомер. – Иначе нам не успеть сегодня на помощь Гондору.

Мерри предпочел убраться незамеченным. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к выступлению. Теперь от сражения их отделял один переход. Хоббиту пришлось собрать все свое мужество да вдобавок вспомнить о Пиппине там, в осажденном пылающем Городе, чтобы страх отпустил его.

В этот день все обошлось благополучно. Враги не показывались. Лесной Народ разослал своих разведчиков следить за орками. Надо было обеспечить полную скрытность продвижения войск. Ближе к осажденному Городу мрак густел, и Всадники шли друг за другом вплотную. Каждый отряд вел проводник; старый Гхан широко шагал рядом с королем. Поначалу Всадники замешкались, путаясь в густом кустарнике, и только далеко за полдень первые отряды вышли на восточные склоны Амон Дина к устью потаенной долины. По ней проходил заброшенный тракт, сливавшийся с конным путем из Города через Анориен. Но уже многие поколения гондорцев не подозревали о его существовании. Деревья, травы и кустарник надежно скрывали древнюю мостовую. Но заросли давали Всадникам возможность пройти незамеченными до самой равнины Андуйна.

Передовой отряд остановился. Пока остальные подтягивались, король призвал военачальников на совет. Йомер хотел было послать к дороге разведчиков, но старый Гхан покачал головой.

– Не надо посылать Конных Людей, – сказал он. – Лесные Люди уже увидели все, что можно увидеть в темноте. Они скоро вернутся и расскажут.

Действительно, вскоре Мерри заметил нескольких «идолов», промелькнувших во мраке. Они переговорили с Гханом, и старый лесовик повернулся к королю.

– Лесные Люди много всего говорят, – сказал он. – Впереди опасность. По эту сторону Дина, в часе ходьбы стоят лагерем много людей, – он махнул рукой на запад, в сторону сигнального холма. – Но отсюда до самых новых стен Каменного Народа никого нет. Все заняты: стены рушат. У горганов земные грома и дубины из черного железа. Они так увлеклись, что не глядят вокруг! Они все думают, что орки стерегут дороги! – тут старый Гхан издал чудной булькающий звук – надо полагать, смеялся.

– Прекрасно! – вскричал Йомер. – Даже в этом мраке снова блеснула надежда. Хитрости Врага иногда и нам на руку. Пока они разносят стены, которые могли бы нам помешать, мы в темноте подойдем поближе.

– Благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан, – молвил Теоден. – Да пребудет с тобой удача за добрые вести и за твое водительство!

– Убейте горганов! Убейте орочий народ! Вот что нужно Лесным Людям, – ответил Гхан. – Прогоните плохой воздух и темноту ярким железом!

– Затем мы и пришли, – сказал король, – к этому и стремимся. А чего добьемся – покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан припал к земле и коснулся ее лбом в знак прощания, потом поднялся, собираясь уйти. И вдруг замер, пригнувшись, точно встревоженный лесной зверь, учуявший подозрительный запах. Глаза его заблестели.

– Ветер меняется! – воскликнул он, и с этими словами мгновенно исчез во мраке вместе со своими родичами, и ни один из Всадников Рохана не встречал его больше. Вскоре далеко с востока снова донесся слабый барабанный бой. Никому из Всадников в голову не пришло усомниться в искренности Лесных Людей, хоть их повадки показались рохирримам странными и непонятными.

– Дальше нам не понадобятся проводники, – сказал Эльфхельм. – Среди нас есть воины, бывавшие в Городе. Да я и сам туда ездил. Когда выйдем к дороге, они возьмут к югу, а там уже предместья, и до стены – семь лиг. По обеим сторонам дороги почти всегда густая трава. Гондорские гонцы считают этот кусок пути самым легким. Мы сможем ехать быстро и без особого шума.

– Тогда неплохо бы сейчас отдохнуть перед жестокой битвой, – предложил Йомер. – Ночью двинемся дальше и к рассвету вырвемся в луга.

На том и порешили. Военачальники разошлись, но Эльфхельм вскоре вернулся.

– Все спокойно, повелитель, – сказал он королю, – но разведчики обнаружили на краю леса трупы двух людей и мертвых коней. Это – гондорские гонцы. Один, надо думать, Хиргон. В руке у него все еще зажата Красная Стрела, а голова отрублена. Похоже, они были убиты, когда скакали на запад. Я думаю, на обратной дороге они наткнулись на врага у внешних стен и повернули назад, так и не добравшись до Города.

– Худо! – нахмурился Теоден. – Значит, Денетор не знает о нашем походе.

– «Нужда не терпит, но лучше поздно, чем никогда», – проговорил Йомер. – Кажется, сейчас эта старая пословица как нельзя кстати.

Ночью войска снова двинулись. Дорога обогнула отрог Миндоллуина и повернула к югу. Вдали затрепетали красные сполохи.

Йоред Эльфхельма шел вслед за правителем и его свитой. Мерри с удивлением заметил, что Дернхельм старается незаметно продвинуться вперед, пока, наконец, они не оказались среди воинов передового отряда, и для всех это осталось незамеченным.

Потом вышла задержка. Мерри услышал впереди приглушенные голоса. Разведчики, вернувшиеся почти от самой стены, говорили с королем.

– Там огромные пожары, повелитель, – докладывал один. – Город окружен пламенем, а на равнине полно врагов. Они наступают. У внешней стены почти никого нет. Даже дозоры не выставлены.

– Помнишь слова дикаря, повелитель? – спросил другой. – Я жил в степях в мирные дни, меня звать Видраф, и я тоже умею читать в воздухе. Ветер меняется. Потягивает с юга, слегка морем пахнет. Утром над этой темнотищей будет рассвет.

– За добрую весть я желаю тебе дожить до мирных дней, Видраф, – сказал Теоден. Потом повернулся к своим приближенным и в полный голос обратился к Всадникам. – Час настал, Всадники Рохана, сыны Йорла! Впереди – враг и огонь, позади – наши дома. Нас ждет бой на чужих полях, но слава навек останется с вами! Вы клялись королю, земле и союзу дружбы! Время исполнить клятвы!

Воины ударили копьями в щиты.

– Йомер, сын мой! Ты поведешь первый йоред, – повелел Теоден, – и пойдешь в центре, за королевским знаменем. Эльфхельм, возьми вправо сразу за стеной, а Гримболт поведет своих левее. Остальным – поддерживать головные йореды. Других планов не будет. Вперед же, не страшась мрака!

Кони почти с места взяли в галоп. Дернхельм, держась в последних рядах головного отряда, горячил коня. Мерри изо всех сил ухватился за воина левой рукой, а правой старался достать клинок из ножен. Ему отчетливо вспомнились слова Теодена о том, что для хоббита не найдется дела в этой битве, кроме гибели. «Действительно, – подумал он, – что я буду делать? Что я могу? Мешать Всаднику и надеяться, что не слечу с седла под копыта коней?»

Они домчались до стены быстрее, чем хотелось бы Мерри. Несколько возгласов, лязг оружия – и от небольшого отряда орков не осталось ничего. Всадники просто смели заслон.

Уже за стеной правитель остановил отряд. Мерри повертел головой и увидел, что люди Эльфхельма идут далеко справа, а они с Дернхельмом вроде бы влились в отряд Теодена. Милях в десяти впереди разливалось зарево большого пожара, но еще ближе, не далее, чем в лиге, виднелись пылающие узкие линии огня. Равнина тонула в темноте. Не было заметно ни малейших признаков рассвета или перемены ветра.

Теперь войска двигались медленно и бесшумно. Так вода просачивается через щели плотины, которую считают целой. Но разум и воля Черного Вождя в этот час полностью сосредоточились на гибнущем Городе. Враг и не подозревал, что в его планы уже вкралась ошибка.

Король Рохана приближался к первой линии осады. Их все еще не обнаружили, и Теоден медлил подавать сигнал к бою. Через некоторое время по знаку повелителя Всадники остановились. До Города было рукой подать. В воздухе пахло гарью. Кони беспокойно переступали ногами.

Теоден неподвижно сидел в седле, глядя на гибнущий Город. Казалось, бремя бедствий согнуло его гордую спину и заставило поникнуть плечи. Мерри, с безотчетной тревогой наблюдавший за ним, вдруг и сам почувствовал страшную тоску. Неясные сомнения и предчувствия неотвратимой беды, невозможность любого действия захлестнули хоббита, и он перестал осознавать себя. Время словно застыло на месте. Все поздно, все тщетно! Казалось, сейчас Теоден горестно покачает головой и повернет обратно к холмам...

Но вдруг что-то изменилось вокруг. Поднимался ветер! Едва заметно просветлело. Далеко на юге, над горизонтом, стали видны нависшие тучи, а за ними занималось утро!

В тот же миг над Городом сверкнула пронзительная молния, соединившая небо и землю. Белая Башня Звездной Цитадели выступила из тьмы, словно мрак отпрянул от нее. В воздухе пророкотал раскат грома, и всем воинам показалось, что исчезла давящая на плечи тяжесть. Тьма над Городом сомкнулась вновь, но Теоден уже сбросил оцепенение, выпрямился, и над войсками пролетел боевой клич Рохана:

*Вставайте все! Беда! Беда!
Огонь и смерть! Щиты крепите!
Вздымайте копыта! День меча,
Кровавый день – во имя света!
Летите вскачь! Вас Гондор ждет!*

Правитель выхватил у оруженосца большой рог и протрубил с такой силой, что рог лопнул. На звук дружно и грозно откликнулись другие рога.

Летите вскачь! Вас Гондор ждет!

Теоден что-то крикнул своему коню, и он с места рванулся вперед. Позади билось на ветру знамя – белый конь мчался по зеленому полю. За ним лавиной двинулся передовой отряд. Но король Рохана летел впереди всех, его никто не мог догнать. Словно древнее божество, словно сам Великий Оромэ в битве Валаров на заре мира, неудержимо мчался король Рохана. Он поднял щит, сверкнувший золотом в первых лучах солнца; трава под копытами его коня вспыхнула изумрудным ковром, потому что настало утро! Ветер с далекого Моря и солнце взяли верх, тьма отступила, полчища Мордора дрогнули в ужасе перед лавиной Всадников, катящейся на них, и побежали! А Всадники Рохана пели боевую песнь, пели и убивали врагов. И эта песнь, прекрасная и грозная, была слышна за стенами Минас Тирита.

Глава VI

Пеленнорская битва

Атакой на Гондор руководил не простой предводитель орков. Тьма исчезла слишком рано, до срока, назначенного Темным Владыкой. Удача изменила Предводителю в тот самый миг, когда он уже протянул за ней руку. Но рука была длинной и сильной. Под его началом собралось огромное войско. Это был Король, Слуга Кольца, Верховный Назгул. Да, он покинул Ворота, исчез, но для него это не было поражением, а для защитников – победой.

Теоден свернул к Городу, от которого его отделяло не больше мили, и придержал коня. Рыцари собирались позади него, с ними был и юный Дернхельм. Впереди, ближе к стенам Города, отряд Эльфхельма громил осадные машины и истреблял врагов, загоняя их в огненные ямы. Вся северная часть Пеленнора была захвачена Всадниками, шатры орков пылали, а сами они бежали, спасаясь, к Реке. Но осада еще не была снята, Ворота не освобождены и в южной части поля стояли свежие силы врага. По ту сторону дороги собрались войска харадримов. Их предводитель заметил Теодена, вырвавшегося далеко вперед с несколькими воинами; он поднял знамя с черным змеем на красном поле и кинулся на правителя Рохана.

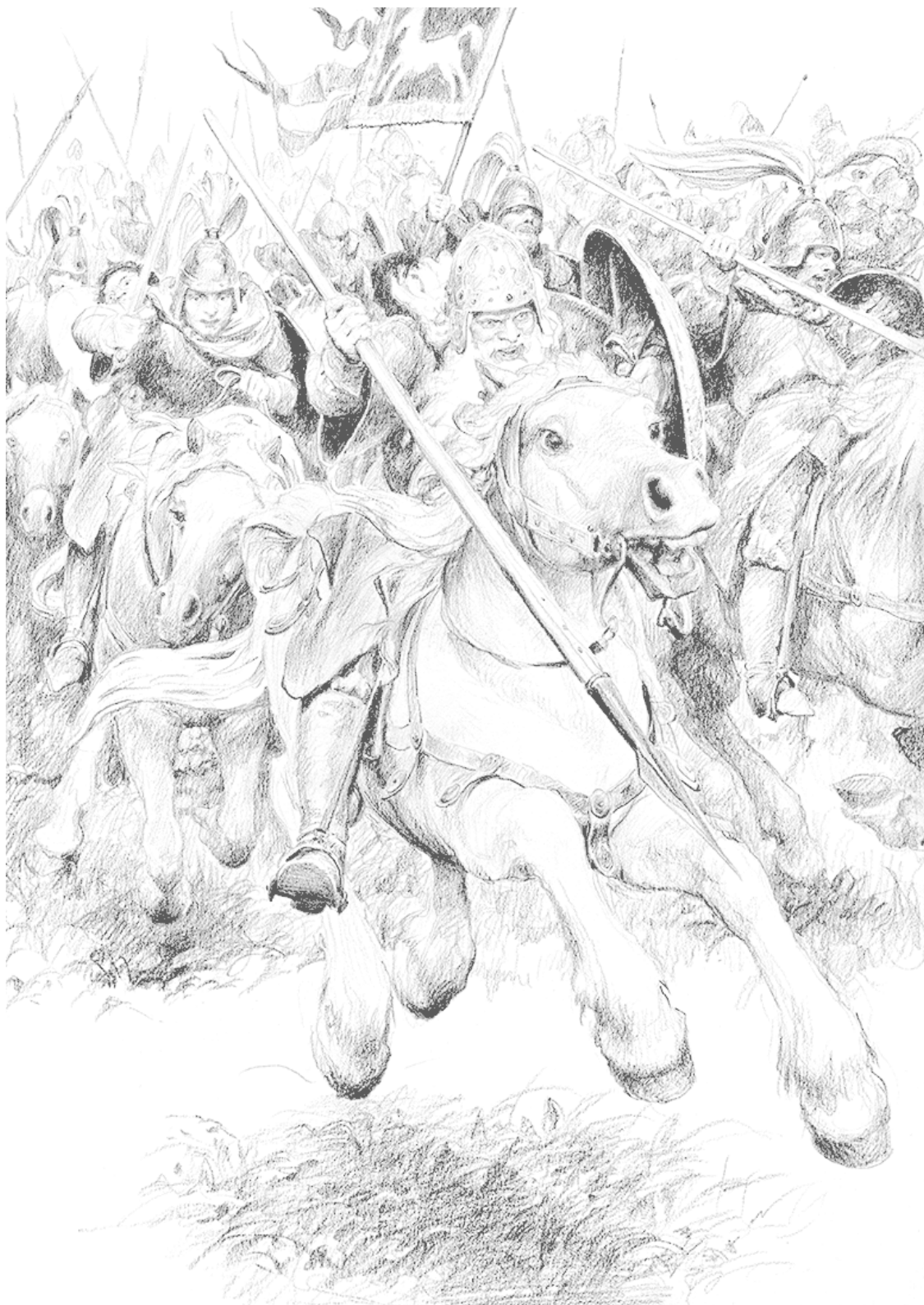
Теоден тоже заметил его и рванулся навстречу. Северные и южные всадники сшиблись в яростной схватке, но северяне, хоть и не столь многочисленные, были более искусны в битве и быстро уничтожили отряд из Харада, а Теоден одним взмахом меча рассек их предводителя и его змеиное знамя. Уцелевшие южане повернули вспять и бежали.

Но вдруг блеск золотого щита Теодена потускнел. Небо померкло, на землю упала тень. Кони начали храпеть и взвиваться на дыбы, сбрасывая всадников.

– Ко мне! Ко мне! – вскричал Теоден – Не бойтесь тени! – Но его конь, словно обезумев, поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами и, захрапев, грянулся оземь: в груди благородного животного торчало тяжелое черное копьё. Падая, он с размаху придавил собою Теодена.

Огромная тень, подобная туче, опускалась на землю. Это было крылатое чудовище, похожее на исполинскую птицу без перьев. Кожистые крылья, растянутые между длинными когтистыми лапами, издавали ужасный смрад. Над полем нависло порождение древнего мира, тварь из последнего, забытого Временем выводка, появившегося на свет где-то в затерянных горных дебрях. Темный Владыка разыскал этот выводок и кормил падалью, пока детеныши не стали крупнее любого другого летучего создания. Потом он дал их вместо коней своим слугам.

Страшное существо спускалось кругами все ниже, потом, растопырив лапы, выгнув длинную голую шею и разевая усаженный острыми зубами клюв, чудовище село и, качнувшись, угнездились на труп коня Теодена.

На спине монстра сидел всадник, огромный и грозный, закутанный в черный плащ. Железная корона венчала его, но между короной и плащом были только мрак и мертвенный блеск призрачных глаз. Это был Предводитель назгулов. Исчезнув от Ворот, он вернулся по воздуху, а теперь спустился, неся гибель, превращая надежду в отчаяние, победу в смерть. В руке он держал железную палицу.

Все рыцари, сопровождавшие Теодена, были либо убиты, либо унесены обезумевшими конями. Только Дернхельм, чья верность превышала страх, остался на месте. Все это время Мерри безопасно сидел позади него, но когда на землю пала тень, конь сбросил обоих и умчался в ужасе. Мерри упал и быстро отполз на карачках в сторону, оглушенный и ослепленный страхом.

– Встань! Встань! – твердил он себе. – Ты же должен быть при Теодене. «Как отец будете вы для меня», – ты же сам это сказал.

Но воля была бессильна. Он не осмеливался даже открыть глаза и оглядеться.

Потом ему послышался голос Дернхельма, странно похожий на другой, тоже очень знакомый.

– Прочь, нечистый сын мрака, пожиратель падали! Оставь мертвых в покое!

И другой голос, полный холодной злобы ответил:

– Не становись между назгулом и его добычей. Он не станет убивать тебя. Он унесет тебя в обитель скорби, дальше любой тьмы, где твою плоть сожрут, а трепещущую душу отдадут во власть Бессонного Ока.

Лязгнул меч, выхваченный из ножен.

– Что ж, попробуй, если сможешь! А я, если смогу, помешаю тебе!

– Помешаешь? Мне? Глупец! Ни один воин не может помешать мне!

И тут Дернхельм засмеялся, и в его голосе был звон стали:

– Но я не воин. Перед тобой женщина! Я Йовин, дочь Йомунда. Не становись между мной и моим родичем и повелителем! Будь ты живой или только оживший, прикоснись к нему – и погибнешь.

Крылатое чудовище неожиданно тонким и противным голосом закричало на нее, но Черный Всадник молчал, охваченный внезапным сомнением. От изумления Мерри забыл страх и открыл глаза. В нескольких шагах от него сидело чудовище, распространяя вокруг себя мрак, над ним грозной тенью высился назгул. Немного левее, обратясь лицом к нему, стоял тот, которого Мерри звал Дернхельмом, но теперь шлем упал с головы воина, освободив золото волос, рассыпанных по плечам. Серые как море глаза смотрели твердо и гневно. В одной руке воин сжимал меч, в другой – щит, которым заслонялся от взгляда страшного врага.

Да, это была Йовин. Мерри вспомнил взгляд молодого воина, когда они покидали Дунхарг, – взгляд без надежды, взгляд человека, готового встретить гибель. Сердце хоббита наполнилось жалостью и восхищением, и в нем проснулась медленно разгоравшаяся отвага его пленника. Он приподнялся и, стиснув руки, прошептал:

– Она не умрет! Такая прекрасная, такая печальная... По крайней мере она умрет не одна!

Черный Всадник не замечал его, а Мерри все не решался двинуться, боясь привлечь к себе губительный взгляд. Потом, очень медленно, начал отползать в сторону. Но Вождь-Призрак все думал о женщине, стоявшей перед ним, и о древнем предсказании.

Вдруг крылатое чудовище взмахнуло своими зловонными крыльями, прыгнуло в воздух и ринулось на Йовин, крича и стараясь ударить ее клювом.

Йовин не дрогнула: она была истинной дочерью Рохана, тонкой, как стальной клинок, и такой же гибкой. Ее удар был молниеносным и смертельным: он обрушился на вытянутую шею, и голова упала, как камень. Йовин отскочила назад, и обезглавленное чудовище, растянув огромные крылья, рухнуло на землю. В тот же миг мрак исчез и волосы Йовин заблестели на солнце.

Но Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, нестерпимым для слуха, он нанес удар палицей. Щит Йовин разлетелся, рука, державшая его, переломилась, а сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней как туча и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар...

Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы, не повредив Йовин, обрушился на землю. Это Мерри вонзил в него сзади свой клинок из Упокоища, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Йовин, привстав, последним усилием вонзила меч в пустоту между плащом и короной. Меч разлетелся вдребезги. Корона покатилась со звоном. Йовин упала на поверженного врага. Но плащ и панцирь были пусты и лежали на земле, смятые и бесформенные, а в воздухе пронесся, замирая, бесплотный жалобный голос и навеки затих в поднебесье.

Мерри стоял среди тел, мигая как сова днем, слезы ослепляли его. Словно в тумане видел он золотые волосы Йовин, распростертой неподвижно, и лицо Теодена, погибшего в час своей славы. Хоббит наклонился и взял его руку, чтобы поцеловать. Глаза Теодена открылись.

– Прощай, мой добрый Мериадок, – с трудом произнес старый Правитель. – Я весь разбит. Иду к предкам. Но даже среди них, могучих, мне теперь можно не стыдиться. Я убил змею. Утро было мрачное, день будет радостным, а вечер – золотым.

Мерри не мог говорить и только плакал.

– Простите меня, повелитель, – всхлипнул он наконец. – Я ослушался вас, и вся моя служба была в том, что я плакал, прощаясь с вами.

Теоден слабо улыбнулся.

– Не печалься! Я простил тебя. Нельзя запретить доблесть. Живи, и будь счастлив, и не забывай меня. Никогда уже не придется мне сидеть с кубком и слушать твои рассказы, – он закрыл глаза и умолк, потом заговорил снова: – Где Йомер? Мне хотелось бы видеть его, пока зрение не угасло. Он будет правителем после меня. И пусть известит Йовин. Она не хотела отпускать меня, и я никогда больше не увижу ее.

– Но, повелитель... – запинаясь, проговорил Мерри, – она... – Только тут он услышал кругом шум, возгласы и звуки рогов. Оглядевшись, он вспомнил, что находится на поле битвы. Ему казалось, что с тех пор, как Теоден упал, прошло много времени, хотя в действительности это было всего несколько минут назад. На них, как волна прибой, надвигалась новая схватка, и она вот-вот должна была захлестнуть их. Новые вражьи орды спешили от Реки. От стен поворачивали рати Моргула, а с юга подходили воины Харада. Пеших прикрывала конница, а позади качались огромные спины мумаков с башенками наверху.

Йомер быстро перестраивал рохирримов, посматривая в сторону Ворот. Там реял серебряный лебедь Дол Амрота, и рыцари Имрахилия теснили врага от большого пролома.

На мгновение у Мерри мелькнула мысль: «Где Гэндалф? Разве он не с ними? Может, он спасет короля и Йовин?» Всадники были уже рядом. Сам Йомер первым подскочил сюда, увидел убитое чудовище и поверженного Теодена. Соскочив с коня, он скорбно остановился над Правителем. Один из его рыцарей взял знамя Рохана из рук убитого знаменосца и поднял его. Теоден медленно открыл глаза, увидел знамя и жестом попросил приподнять себя.

– Ты – мой преемник, – сказал он. – Веди войска к победе! И простись за меня с Йовин. – Он закрыл глаза и умер, так и не узнав, что Йовин была рядом с ним до конца. Всадники заплакали о Теодене. Все они любили его.

Тогда повысил голос Йомер:

*Горе умерьте! Велик был погибший,
Умер в сраженье. Его над курганом
Жены оплачут. Битва зовет нас! –*

но и у него самого лились слезы, пока он говорил.

– Унесем тело с поля битвы, чтобы кони не затоптали его. Тела рыцарей тоже надо унести. – Он оглядел убитых, называя их по именам, и вдруг узнал среди них сестру. Пошатнувшись, словно ему в сердце вонзилась стрела, он побледнел от гнева и скорби, а глаза вспыхнули яростью. – Йовин! – вскричал он. – Как ты оказалась здесь? Безумие или колдовство тому виной? Смерть, смерть всем им! – и он затрубил в рог, и снова закричал своим воинам:

– Смерть! Бейте врагов! Пусть ни один из них не уйдет отсюда! Крик его подхватили отряды. «Смерть, смерть!» – грозно прокатилось по рядам, и воины помчались за предводителем. Они не пели больше, но ударили на врага с такой яростью, что сразу смяли и расстроили его порядки.

Мерри стоял в стороне и плакал; никто его не замечал. Потом он вытер слезы и, подобрав щит, который дала ему Йовин, забросил его за спину. Потом начал искать свой меч. В тот миг, когда он нанес удар Королю-Призраку, правая рука его отнялась и оружие выпало, теперь он мог действовать только левой. Вскоре он увидел меч, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, он съезжился, истлел и исчез.

Так ушло оружие из Упокоищ, созданное руками мастеров Северного Княжества. Тот, кто неторопливо ковал его много веков назад, остался бы доволен судьбой меча. Ведь в ту пору главным врагом молодого Арнора был Король-Чародей из Ангмара. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке, не смог бы нанести вождю назгулов смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой.

Воины подняли тело правителя и на носилках из копий и плащей понесли в Город. Другие на таких же носилках несли Йовин. Тела рыцарей из свиты Теодена сложили подальше от убитого чудовища и обнесли оградой из копий. Когда бой окончился, чудовище сожгли, а коня Теодена похоронили там, где он пал, и воздвигли на могиле камень с эпитафией на языках Гондора и Рохана.

На этой могиле трава всегда была зеленой и пышной, а место, где сожгли чудовище, всегда оставалось черным и безжизненным.

В глубокой печали шел Мерри рядом с носилками, не думая больше о войне. Он устал, все тело болело, и его бил озноб. Ветер с моря принес тучу с дождем, и казалось, что само небо оплакивает смерть Теодена Роханского и отважной Йовин.

Как в тумане Мерри видел движущийся навстречу отряд из Города. Его вел Имрахиль. Приблизившись, он спросил:

– Какую ношу несут воины Рохана?

– Короля Теодена, – был ответ. – Он мертв. Король Йомер ныне ведет Всадников в битву.

Имрахиль спешился и, преклонив колена, почтил павшего вождя. Поднимаясь, он заметил Йовин и проговорил изумленно:

– Откуда здесь женщины? Выходит, и жены рохирримов пришли к нам на выручку?

– Она – единственная, – ответили ему. – Это – госпожа Йовин, сестра нового короля.

Никто не знал, что она ушла в поход. Мы скорбим о ней.

Князь снова взглянул на Йовин и был поражен ее красотой. Он прикоснулся к маленькой, но твердой руке, взгляделся в лицо и спросил:

– Есть ли лечители в Городе? Она ранена, быть может, смертельно, но еще жива, – с этими словами он поднес к губам Йовин свою блестящую латную рукавицу, и полированный металл чуть затуманился от слабого дыхания.

Яростная битва снова разгорелась на полях Пеленнора. Лязг оружия, крики людей, конское ржание перекрывали звуки рогов и грохот барабанов, звенели колокольцами мумаки, подстрекаемые к бою. Под южной стеной пехота Гондора отражала натиск моргульских легионов. Хурин Высокий, Страж Ключей, и правитель Лоссарнаха, Хирлуин с Зеленых Холмов, и князь Имрахиль со своими витезями пробивались на восток, к Йомеру.

Не сразу смогли они прийти на помощь рохирримам. Удача отвернулась от Йомера, гнев подвел его. Первым ударом Всадники опрокинули врага и огромным клином врубились в ряды южан. Но когда появились мумаки, кони начали хрюпеть и пятиться, а громадные гороподобные чудовища словно крепости высились на поле, и харадримы скапливались вокруг них. Если в начале боя на каждого Всадника приходилось по три харадрима, то вскоре положение ухудшилось: к южанам от Осгилиата подошло подкрепление. Моргульский военачальник Готмог гнал

в бой народ с топорами из восточных провинций, варайгов из Кханда, южан, одетых в алое, и черных полулюдей-полутроллей, белоглазых и с красными языками, из Дальнего Харада. Теперь они обходили рохирримов, а часть сдерживала войска Гондора, не давая соединиться с Роханом.

Казалось, ход боя складывался не в пользу Гондора. Вспыхнувшая было надежда начала гаснуть. А тут еще со стен Города донесся новый крик. Время близилось к полудню, поднялся ветер, дождевые тучи отнесло на север, и теперь с ясного неба сияло солнце. В чистом воздухе дозорные издали разглядели устрашающую картину, покончившую со всеми надеждами.

Немного ниже Города Андун делал два изгиба, и с городских стен русло Реки просматривалось на несколько лиг. Все увидели, как с юга, подгоняемый ветром и веслами, приближается большой флот под черными парусами.

– Умбарские пираты! – кричали на стенах. – Умбарские пираты идут! Значит, Белфалас взят, и Дельта тоже, и Лебеннин пал. Это конец!

В Городе кто-то ударил в колокол, трубы стали призывать воинов к возвращению, потому что новая грозная опасность пришла со стороны Реки. Но зов не был услышан, ветер, надувавший паруса кораблей, относил звуки.

Впрочем, Всадники не хуже дозорных на стенах видели черные паруса. Йомер в пылу боя увел их слишком далеко от Города к пристаням Харлона. Йомер увидел армаду и проклял тот самый ветер, который благословлял утром. А рати Мордора воспряли духом и с новой яростью ринулись в атаку.

Йомер не колебался больше. Зазвучали рога, собирая всех, кто мог пробиться под королевское знамя. Он принял решение стоять насмерть и совершить на полях Пеленнора подвиг, достойный песен, даже если на всем Западе не останется ни одного певца, чтобы спеть о последнем короле Рохана. Он поднялся на зеленый холм, и Белый Конь взвился у него над головой.

*Без сомнений, без печали,
в полыхающем рассвете
Я скакал навстречу Солнцу
с песней звонкой на устах;
Но погибшая надежда
и надорванное сердце
Пробудили гнев священный,
дух сражений и смертей!*

Смеясь, произнес он эти слова. Азарт битвы снова наполнил сердце Йомера. До сих пор он не получил ни одной раны. Он был молод, новый король Рохана, и он правил отважным народом воинов. Он смеялся, глядя на черные корабли, и грозил им мечом. Но это был смех отчаяния.

И вдруг ликующий крик вырвался у него из груди. Он высоко подбросил меч, поймал его и запел. На переднем корабле развевалось большое знамя с Белым Древом – знаком Гондора, но его венчали семь звезд и корона – герб Элэндила, бесчисленные годы не появлявшийся в Среднеземье. Звезды вспыхнули на солнце, ибо драгоценными камнями выложила их на стяге Арвен, дочь Элронда, а венец, вышитый мифрилом и золотом, ослепительно блистал в утреннем свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.